

БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

№ 19 1991

ОГОНЁК

МОСКВА

Вячеслав КОСТИКОВ

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Издается с января 1925 года

Вячеслав КОСТИКОВ

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

ОЧЕРКИ

Москва. 1991

Вячеслав КОСТИКОВ

Публицистика Вячеслава Костикова стала заметным явлением общественной жизни страны на сложном этапе перестройки. Его статьи и эссе в «Огоньке», «Известиях», «Литературной газете» дали возможность читателям многое узнать из «белых пятен» советской истории.

Костиков Вячеслав Васильевич родился в Москве в 1940 году. Окончил факультет журналистики Московского университета. Многие годы работал за границей, главным образом во Франции в ЮНЕСКО. Автор повестей и романов «Наследник», «Мосты на левый берег», «Мистраль», «Вернисаж». Его последняя книга «Не будем проклинять изгнание», вышедшая в 1990 году в издательстве «Международные отношения», — честный и волнующий рассказ о путях и судьбах русской эмиграции.

В этой подборке публикуется часть его статей, написанных специально для «Огонька» в 1990 году.

САПОГИ ИЗ ШАГРЕНЕВОЙ КОЖИ

Мемуаристы интимного склада вспоминают, что Александр III, имевший, как и большинство русских деспотов, пристрастие к сапогам, заказывая себе обувь у придворного сапожника, обыкновенно просил, чтобы голенища были несколько просторней, чем того требовала нога. Не потому, что император имел тайное пристрастие к свободе, хотя бы даже и для собственной ноги. Боже упаси: в российских анналах Александр III прославился как один из самых грубых и тупых деспотов. По словам генерала П. А. Черевина, начальника личной охраны царя, сапоги заказывались с таким расчетом, чтобы в них входила плоская фляжка коньяку. Таким образом царь, побаивавшийся своей норовистой супруги, пытался обмануть ее бдительность.

«...Царица подле нас, мы сидим смиреннько, играем как паиньки,— вспоминал генерал-субутыльник.— Отошла она подальше — мы переглянемся — раз, два, три! — вытащим фляжки, пососем и опять как ни в чем не бывало... И называлось это у нас «голь на выдумки хитра». Таковы были «невинные» забавы русского двора...

Мы, впрочем, привели этот эпизодец вовсе не для того, чтобы позабавить читателей. За мелкой деталью, за нюансом истории нередко стоит куда более глубокий смысл, чем может показаться при беглом взгляде. Дело, разумеется, не в ширине голенищ, а в том, что любовь российских самодержцев к сапогам отражала определенный психологический уклад не только властелинов, но и самой власти. Склонность таких свирепых российских монархов, как Павел, Николай I, Александр III, к фрунту, плац-параду, шпицрутенам была лишь внешним отражением той пруссаческой цивилизации, «цивилизации сапог», которую они олицетворяли. За склонностью Александра III к голенищам проглядывала политическая реакция с ее неперменными атрибутами — порками, застенками, казнями.

Пристрастие Сталина, Троцкого и их ближайшего окружения к сапогам тоже не случайно — оно выявляло тягу к определенному идеалу общественного устройства — не к гражданскому обществу, к которому мы теперь стремимся, а к обществу, построенному по военному регла-

менту. За сталинскими сапогами, за сапожником Кагановичем, за «шаркающей кавалерийской походкой» приближенных военачальников вставали траншеи и рвы, в которые сваливали оказавшихся непригодными к цивилизации «военного коммунизма» гражданских лиц, людей в штиблетах, в лаптях, в ботинках — тех, для кого профессией был свободный труд, а не казарма.

Не будем тревожить зловещих теней. Пробуждающаяся ото сна русская гражданская правда найдет и уже находит для творцов «военного коммунизма» положенное им место в нише русского исторического колумбария. Вдумчивый читатель, конечно же, уже смекнул, что наскучившая ему публицистическая «Сталиниана» была вынужденной, но необходимой мерой исторической ассенизации. Теперь, когда демистификация Сталина стала свершившимся фактом, можно признать, что в журнальной антисталинской гонке были и крутые выражи, и превышение скорости, и потеря равновесия. Но все эти неизбежные в полемике передержки имели свои причины и свои стартовые данные: иные — от переполнявшего душу гнева и боли, иные — от долго сдерживаемых обид и оскорблений, третьи — от недостатка знаний, от искривленности нашего исторического зеркала. Часть «ошибок» была, в сущности, навязана публицистике недостатком гласности, цензурными ограничениями: уже позволено было критиковать Сталина и его окружение, но по-прежнему ставилось «вето» на попытки углубленного, причинного анализа. Критика Сталина на определенном этапе вызревания гласности была своего рода «эвфемизмом» более серьезной, концептуальной критики. Хотелось бы, чтобы вынужденный этот маневр был понят теми из наших читателей, которые гневались на нас и слали сердитые письма. Умный читатель! Вспомним же вместе с Горацием:

«Надо сегодня сказать лишь то,
что уместно сегодня.
Прочее все отложить
и сказать в подходящее время».

Библейские мудрецы предупреждали, что «будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням». Время социальных мифов и утопий длилось почти семьдесят лет. Мифологическое время и сознание еще не изжиты. Мы делаем лишь первые шаги в сторону реального времени. Демистификация отдельных личностей иконописного чина позволяет нам наконец примерить «венец правды». Воистину приблизилось время, когда рядом с заслуженным трудом Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» на книжную полку можно будет поставить мифы «Краткого курса» и пуститься в увлекательную «одиссею» исторической правды. Попробуем же прикоснуться к первым ее страницам.

Еще раз о «непорочном зачатии»

У Н. А. Бердяева в «Философии неравенства» есть странная, беспokoящая мысль. Он говорит о том, что «все революции кончались реакциями. Это неотвратимо, — пишет он. — И чем неистовей и яростней бывали революции, тем сильнее бывали реакции». Многие годы спустя, основываясь на собственном опыте и опыте советской истории, А. Солженицын дополнит: революция была не продолжением, а смертельным изломом хребта, который едва не кончился полной национальной гибелью.

В чем же причина трагического разрыва между светлым ожиданием революции и теми поистине горькими плодами, которые она принесла народу? Причина, на наш взгляд, в «первородном грехе» революции: в том, что свободу и демократию она добывает отрицанием свободы и демократии. Для своего успеха революция требует «непорочного зачатия». Наша же революция, выпешшая из войны, зачиналась в крови и насилии. В этом ее трагедия. Вот почему сейчас, на пороге XXI века, России в сфере демократии приходится начинать сначала. Вот почему нам нужно усвоить урок «октябрьского зачатия», неудавшуюся попытку сoединения революции и демократии.

Учредительное собрание 1918 года у нас так долго было принято шельмовать, что само это словосочетание в восприятии людей превратилось в нечто бранное, почти нецензурное.

А между тем кадровые русские рабочие той поры имели вполне одобрительный взгляд на Учредительное собрание. И об этом полезно напомнить.

Выборы в Учредительное собрание были первыми свободными парламентскими выборами в России. Идею Учредительного собрания горячо поддерживали до революции все демократические силы, в том числе и большевики, В. И. Ленин.

Максим Горький писал: «Лучшие люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно излить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян».

Большевики, исходя из своей политической платформы, разработанной Лениным, принимали участие в выборах в Учредительное собрание. Избирательная кампания показала реальную расстановку политических сил в России. Большевики потерпели крах, собрав всего 2,3 процента голосов. Не получили поддержки и кадеты (4,7 процента мест). Большевики уверенно собрали 24 процента и продемонстрировали, что они являются одной из ведущих политических сил. «Одной из», однако не единственной. Крестьянский характер тогдашней России, ее социальная

стратификация со всей очевидностью проявилась в результатах выборов. Представители «крестьянской партии» — социалисты-революционеры (эсеры) собрали 40 процентов. Таким образом, левые партии получили решающее большинство голосов революционной России. Возникла возможность формирования левого демократического правительства, которое отражало бы реальные демократические устремления трудящихся.

Идея Учредительного собрания была дорога не только интеллигенции, но и рабочим. Не тем хрестоматийным пролетариям, которых нам демонстрировали фильмы «Ленин в Октябре» или «Выборгская сторона», а настоящим рабочим Путиловского, Обуховского заводов, которые были опорной базой революции в пролетарской среде.

5 января 1918 года в Петрограде состоялась мирная демонстрация в поддержку собравшегося в Таврическом дворце Учредительного собрания. Рабочие, студенты, левая интеллигенция шли под знаменами Российской социал-демократической рабочей партии. В колоннах демонстрантов были рабочие Обуховского и Патронного заводов, с Выборгской стороны, с Васильевского острова... Выступление петроградских рабочих было продиктовано стремлением сохранить единство левых сил. Сознательные рабочие России понимали всю пагубность размежевания демократии, политического сектантства. Это трезвое и глубоко патристическое понимание рабочими общности интересов демократической России отчетливо проявилось и ранее — в октябре 1917 года, сразу же после Октябрьского переворота. Тогда Всероссийский исполком профсоюза железнодорожников «Викжель» настаивал на создании «однородного социалистического правительства». Такой же точки зрения придерживалась и делегация питерских рабочих, прибывших на созванное «Викжелем» совещание. Рабочие уже тогда хотели избежать кровопролития между революционными партиями, боялись гражданской войны. Характерно, что против коалиции левых партий резко выступил Троцкий, человек в сапогах и военной фуражке. За сотрудничество в рамках русской социал-демократии высказались люди гражданского склада — Каменев, Рыков, Зиновьев. Они считали, что жесткая линия Троцкого приведет к ослаблению политической базы демократии. Пять ближайших соратников Ленина — Каменев, Рыков, Зиновьев, Милютин, Ногин — подали в знак протеста в отставку. А между тем в предложении Каменева, Рыкова, Зиновьева не было никакой «ереси». Более того, идея сотрудничества партий в рамках рабочего движения жила в марксистской классике. Маркс никогда не претендовал на монопольное право коммунистов на истину и на власть и даже на руководство пролетариатом. «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом», — писал он в «Манифесте Коммунистической партии». История западноевропейского пролетариата со всей очевидностью подтвердила, что трудящиеся могут достигать высо-

ких завоеваний «реального социализма» и в рамках социал-демократии, и даже при классических буржуазных коалициях при условии существования сильных рабочих партий и профсоюзов. Об этом «парадоксе» социальной истории на Съезде народных депутатов весьма красочно упомянул Чингиз Айтматов.

Тогда, в октябре 1917 года, возник первый в советской истории правительственный кризис. В своем заявлении вышедшие в отставку предупреджали, что сохранение однопартийного правительства в стране, где большинство еще не прониклось большевистской идеологией, возможно лишь средствами политического террора.

Дальнейшие события, к сожалению, подтвердили опасения старых большевиков.

Отказ от создания коалиционного правительства в октябре 1917 года был первым, еще бескровным актом сужения демократии. Впервые голос людей в сапогах оказался сильнее гражданского голоса. Неограниченная власть уже начинала дурманить голову. Когда 5 января 1918 года при повторной попытке вернуть революцию в русло демократии петроградские рабочие вышли на демонстрацию в защиту Учредительного собрания, против них были посланы войска. Учредительное собрание было объявлено «контрреволюционным» и разогнано, демонстрация рабочих расстреляна. Была упущена историческая возможность сотрудничества левых сил России в рамках демократически избранного парламента. Гражданский мир был отвергнут, ворота в трагедию гражданской войны открыты. Для поддержания власти теперь требовались не политики, а люди в сапогах — все в большем и в большем количестве. Героем времени становился Троцкий. «Россия, кровью умытая» являет миру новую, неизвестную прежде цивилизацию — цивилизацию сапог и кожных тужурок.

Бездна

У Н. В. Гоголя есть очень верное нравственное рассуждение, которое вместе с тем применимо и к политике: «Человека нельзя ограничить другим человеком, на следующий год окажется, что надо ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца...»

Ограничение демократии и свобод в первые же дни революции (как, например, запрещение буржуазных партий и закрытие оппозиционных газет на второй день Советской власти) было опасно не только тем, что сосредоточивало в руках одной группы людей бесконтрольную власть, но и тем, что закрывало дорогу к легальному изъяснению несогласия. Насилие над демократией порождало сопротивление, сопротивление вызывало террор. Одна бездна призвала другую. И в этих безднах гибли не только миллионы безвинных, моральной пагубе было подвержено несравнимо большее число людей. На смену отвергнутых

революцией привычных добродетелей и нравственных начал пришел унифицированный критерий добра и зла — классовая ненависть. Направленные в первые месяцы революции исключительно против тех, в ком видели эксплуататоров, — против «помещиков» и «капиталистов», они вскоре разлили свой яд и на другие классы и группы людей и в конечном счете обернулись против рабочих и крестьян. «Классовый антагонизм и классовая борьба отравили души людей страшными ядами — завистью, ненавистью, злобой. Отравлены и гибнут и души пролетариев и души буржуазии», — писал Н. А. Бердяев в книге «Христианство и классовая борьба».

Революция, лишенная защитных иммунитетов демократии, оказалась повернутой против самое себя. В ней обнаружилось то лицо, которого никто не предполагал.

В условиях насилия демократия утратила едва ли не главное из своих свойств — корректировать самое себя, выправлять ошибки, извлекать опыт из неверных шагов. А между тем об этих свойствах демократии были прекрасно осведомлены большевики. Один из примеров тому, как демократия корректирует ошибки и зло обращает в добро, является так называемое «дело Малиновского».

Р. В. Малиновский, рабочий, любимец Ленина, являлся лидером большевистской фракции в Думе. Историк большевизма и революции Борис Суварин пишет в монографии «Сталин. Исторический обзор большевизма», что Малиновский пользовался неограниченным доверием Ленина. Когда возникли подозрения, что он является агентом царской охранки, Ленин с негодованием отверг предостережение и даже пригрозил Мартову привлечь его за ложное обвинение к «суду чести». Малиновский, «отмытый» от всех подозрений, назначается заместителем Ленина в Бюро Социалистического интернационала. В сущности (интересные свидетельства на этот счет содержатся в воспоминаниях генерала Р. Заварзина, шефа охранки) благодаря Малиновскому царское правительство было в курсе всех дел и замыслов большевиков вплоть до узких совещаний ЦК. Посредством своих агентов, внедренных в РСДРП, охранка, в частности, старалась не допустить объединения большевиков и меньшевиков, усматривая в этом опасность для царского режима. Начальникам розыскных учреждений и их секретным агентам предписывалось, чтобы они, «участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было органического слияния этих течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками».

То, что Малиновский с 1910 года являлся одним из виднейших агентов охранки, стало известно лишь после Февральской революции, когда в руки Временного правительства попали документы Охранного отделения. Ленину пришлось давать показания по «делу Малиновского» в Чрезвычайной комиссии, созданной Временным правительством 26 мая 1917

года. Интересно вот что: отвечая на вопросы следователя, В. И. Ленин отмечал, что польза, принесенная провокатором, перевешивает вред. Эту же мысль подтверждает и жандармский генерал А. Спиридонович, говоривший, что работа секретных агентов нередко шла на пользу партии и во вред правительству. При всей кажущейся парадоксальности этих суждений они тем не менее верны. Ведь провокатор Малиновский произносил в Государственной думе от имени большевистской фракции речи, написанные или отредактированные В. И. Лениным, и тем самым содействовал пропаганде идей большевиков. Политический «навар» был значительно ценнее частного ущерба, нанесенного теми агентурными данными, которые Малиновский передавал в Департамент полиции. Даже зачаточная парламентская демократия России уже обладала свойством перемалывать зло секретной полиции в порох революционных идей.

Мечта семинариста

Экономические результаты экономического насилия — «экспроприации экспроприаторов» (вариант этого лозунга — «грабь награбленное» — получил, пожалуй, даже большее распространение) не замедлили сказаться. Уже в мае 1918 года председатель Московского совета профсоюзов М. Томский сетует: «Падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой грозит полнейшее разложение и крах».

Кризис проявлялся и в досадных мелочах: исчез керосин, спички, начались перебои с хлебом. Разочарование было не только в снабжении, но и в политике. Рабочий контроль, в котором идеалисты революции видели панацею от всех бед, оборачивался фикцией. Да и сами комиссары воспринимали контроль упрощенно, прежде всего с точки зрения уравнилельно-делительного подхода. Горьковская газета «Новая жизнь» помещает письмо коммуниста, открывшего для себя неожиданную сторону контроля: «Я явился на завод и начал осуществлять контроль. Я вскрыл несгораемый шкаф, чтобы взять на учет деньги. Но денег там не было...»

Орган профсоюзов «Вестник труда», сетуя по поводу упрощенного понимания контроля, пишет, что большевики рассматривают переданную им промышленность как «неосушимое море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ».

Развал хозяйственных устоев несет в себе что-то апокалипсическое. Разрушительный лозунг «до основания, а затем...» проводится в жизнь с кошмарной последовательностью. Ломается даже то, что не представляет никакой опасности для новой власти. В мае 1918 года в Москве арестовывается И. Д. Сытин, недавно отметивший 50-летний юбилей своей книгоиздательской деятельности. До революции его любовно именовали «министром народного просвещения» — так много он сделал для на-

родного образования. Сытина ценили Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький. Но людям в сапогах повсюду мерещатся заговоры, контрреволюция. По обычному подозрению люди в кожаных тужурках волокут старика в ЧК. Потребовалось вмешательство М. Горького и В. И. Ленина, чтобы известного всей России человека оставили в покое. Однако его огромное, превосходно налаженное дело было разрушено, а сам Сытин разорен. А ведь книжки Сытина были самым популярным чтением в семьях рабочих и крестьян, на них росли и воспитывались дети народа. Неудивительно, что ликвидация неграмотности в Советской России шла с таким трудом и носила самый примитивный характер: не хватало букварей, учебников, самых простых книг.

Рабочие все активнее выражают недовольство развалом жизни. В марте 1918 года в Петрограде созывается Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов. Представители крупнейших заводов — Путиловского, Обуховского, Балтийского, Семяниковского и др., посланцы железнодорожных мастерских, электростанций, типографий, обращаясь к Всероссийскому съезду Советов, писали в принятой Декларации: «... Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя правительством рабочих и крестьян, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев, мы терпеливо переносили нужду и голод; нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала, как на своих врагов; и мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав, во имя надежды на данные ею обещания. Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными».

«Урезывание свободы», несмотря на протесты, продолжалось. Когда вслед за Петроградом и в Москве возник организационный комитет по созыву Всероссийской конференции уполномоченных от фабрик и заводов, это движение уже по опробованному ритуалу было объявлено контрреволюционным. Народ оказался в стане «врагов народа». Выступая на первом съезде совнархозов, Алексей Гастев попытался сказать правду об отношении рабочих к новой власти: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский». Однако, затянутый с головы до ног в кожу, «военный коммунизм» был уже глух к голосу масс. Рабочие были вынуждены прибегнуть к еще не забытому в те годы средству защиты своих интересов — к стачкам. Волна забастовок прокатилась по фабрикам Москвы, Петрограда, Тулы, Брянска...

10 марта 1919 года рабочие астраханских заводов «Вулкан», «Этна», «Кавказ и Меркурий», заручившись нейтралитетом матросов Волжского флота, по гудку прекратили работать. Начался митинг. Рабочие высказывали накопившееся недовольство. Металлические заводы Астрахани

с началом «военного коммунизма» были объявлены на военном положении. Труд был милитаризирован, рабочие поставлены на воинский учет. «Социализация» рыбных промыслов привела к тому, что город, прежде изобиловавший рыбой, не имел в продаже даже сельдей. Начался голод. Усталые, озлобленные, стоя после смены у пекарен за осмущшкой хлеба, рабочие искали выхода из тупика. Взрыв и последовавшая за ним трагедия стали неминуемыми.

Десятитысячный митинг рабочих Астрахани был оцеплен войсками. После отказа разойтись был дан предупредительный залп из винтовок. Потом затрещали пулеметы...

По свидетельству очевидцев, из рабочих рядов было выбито не менее двух тысяч жертв. Тысячи рабочих были «взяты в плен». Однако человеку в сапогах — Л. Троцкому это показалось недостаточным. Из центра в Астрахань летит подписанная им телеграмма: расправиться беспощадно. Кровавое безумие царило на суше и на воде. Бежавших из города в степь рабочих настигала конница.

«14 марта, — пишет очевидец астраханской трагедии П. Силин, — было расклеено по заборам объявление о явке рабочих на заводы под угрозой отобрания хлебных карточек и ареста. Но на заводы явились лишь комиссары. Лишение карточек никого не пугало — по ним давно уже ничего не выдавалось, а ареста все равно нельзя было избежать. Да и рабочих в Астрахани осталось немного...»

Натянув сапоги диктатуры, сделав насилие главным инструментом политики, власть уже не могла, да и боялась повернуть назад, к гражданскому обществу. При дилемме разделить власть с другими демократическими партиями или продолжать диктатуру средствами насилия власть избрала второе. Предпочтение было отдано формуле семинариста из «Бесов» Ф. М. Достоевского:

— Народ не захочет...

Семинарист: — Устранить народ.

Начав с малой крови — с убийства депутатов Учредительного собрания кадетов А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина в городской петроградской больнице, со «скромного» расстрела демонстрации в поддержку Учредительного собрания, люди в сапогах оказались по голенища в крови. Верховный семинарист Иосиф Сталин, облачившись в военный китель, повел уже открытую войну против собственного народа.

Эстетика сапога

Россия, одна из родин гуманистических идеалов, давшая миру Толстого, Достоевского, Чехова, блестящую плеяду русских философов, в том числе Владимира Соловьева с его «Оправданием добра», эта Россия была растоптана. Философия нравственности была отвергнута, ее творцы и последователи изгнаны за границу. На огромных пространствах России утверждался «Устав о неуклонном сечении», приводимый

в исполнение идейными восприимчивыми Угрюм-Бурчеева, переименованного, как известно, город Глупов в Непреклонск. Идеалом школы «фанатичных нивеляторов» было «втиснуть в прямую линию весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременным расчетом, чтобы нельзя было повернуть ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево».

— Что же это, однако, за даль, в которую уводила эта линия? — спрашивает сатирик.

— Ка-за-р-мы! — совершенно определенно подсказывало возбужденное до героизма воображение.

Поразительно то, с какой точностью Салтыков-Щедрин определяет идейно-психологический тип людей из породы казарменных нивеляторов: «Каждый эскадронный командир, не называя себя коммунистом, вменял себе, однако ж, за честь и обязанность быть оным от верхнего конца до нижнего».

Удивительно, с какой последовательностью наши теоретики, даже лучшие из них, проводили в жизнь эти угрюм-бурчеевские идеалы. Даже Н. Бухарин, которого мы, в воздаяние за мученическую смерть, пытаемся причислить теперь к лику святых, прошел через увлечение казармой. В своих популярных в то время трудах он пытается распространить идеи казарм даже на семью, даже на ребенка. «Ребенок принадлежит обществу, в котором он родился, а не своим родителям», — писал он в «Азбуке коммунизма». Один из его последователей, известный в то время юрист А. Гойхберг, принимавший участие в разработке Закона о браке, шел еще дальше, предлагая «заменить семью коммунистической партией».

Создаваемая в русле такой идеологии новая советская школа ставила цель не воспитания гражданина отечества, а солдата всемирной революции. В «Педагогике переходного периода», вышедшей в Москве в 1927 году, известный в то время педагог-марксист В. Н. Шульгин писал: «Мы не призваны воспитывать русского ребенка, ребенка русского государства, а гражданина мира, интернационалиста, ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию... Мы воспитываем нашего ребенка не для защиты родины, а для всемирных идеалов».

Под гром трубы и топот сапог из нашей жизни постепенно вытеснялось интеллигентное, гражданское, естественное, доброе. Происходила милитаризация не только экономики, но и общественной жизни, даже тех ее хрупких ответвлений, где сапог, окрик, казалось бы, совсем уж неуместны. Одно за другим ликвидируются гражданские учреждения, носившие благотворительный характер. Из добровольных общественных организаций последовательно вытесняются некоммунисты. В самом начале 20-х годов ликвидируется Лига спасения детей, куда входили беспартийные гражданские лица, в том числе ряд бывших деятелей запрещенных партий — эсеров, меньшевиков, кадетов, желавших сотрудничать с Советской властью на благотворительном поприще. Функ-

ции Лиги (в стране в 1922 году, по официальным данным, насчитывалось 7 миллионов беспризорных детей) были переданы ВЧК. Этот факт можно было бы считать за случайность, если бы позднее в «заботе о детках» не выявилась определенная логика и многие детские дома и колонии стали передавать в ведение ГПУ.

В 1922 году ликвидируется «Помгол», Комитет помощи голодающим, почетным председателем которого являлся В. Короленко. Видные деятели «Помгола», известные еще до революции своей широкой гражданской деятельностью, арестовываются. Некоторые из них без суда и следствия, административным решением ОГПУ высылаются за границу.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя создалось превратное впечатление о том, что за всеми этими противозаконными действиями стояла злая воля ЧК и лично Ф. Э. Дзержинского. Оговорюсь сразу: образ Дзержинского, мечтавшего в молодости стать ксендзом и волею судеб вместо сутаны облачившегося в солдатскую шинель, вызывает более сложные чувства. Работавшие с ним люди, в том числе и в ВСНХ, свидетельствуют о том, что это был чуткий и скорее гражданского, нежели военного склада человек. То, что из него сотворили «железного Феликса», — своего рода символ «Человека с ружьем», — такая же его личная трагедия, как и трагедия всей гражданской России.

Винить во всех наших бедах и жертвах ВЧК — ОГПУ — КГБ — это все равно что свалить всю вину за злодеяния Ивана Грозного на Малюту Скуратова.

За действиями «органов» всегда изначально стояла политическая воля, определенная идеология. Когда руками ВЧК изгоняли Комитет помощи голодающим, закрывали Академию духовной культуры, Лигу спасения детей, изгоняли из страны философов, писателей, поэтов, ВЧК была лишь исполнительным органом для той политической воли, которая несколькими годами ранее разгоняла Учредительное собрание. Суть всех этих следовавших один за другим «разгонов» состояла в упорном стремлении подавить в обществе любую независимую, гражданскую «истину», которая несла бы в своем генетическом коде идею плюрализма.

Дождались!

Один из героев популярного довоенного фильма «Александр Невский», умирая на поле брани от смертельной раны, горько вздыхает — «мала, дескать, кольчужка». Простенький этот, рассчитанный на массовый вкус эпизод, тем не менее таит в себе почти притчевый подтекст. Любая кольчужка, латы, броня, «щит и меч», а в более поздние времена «ядерные щиты» становятся убийственными для их носителей. Ни в какие времена сапог не гарантировал людей от несчастий и гибели. Все военные, тираннические или классовые диктатуры, все пиночевские и полпотовские «демократии» в конце концов бесславно гибнут

и разлагаются. Опыт Европы свидетельствует о том, что только гражданское, плюралистическое общество, основанное на общественном консенсусе, способно дать гражданам мир, покой и процветание.

И, напротив, опыт советской истории свидетельствует о том, что сапог, пошитый из шагреновой кожи демократии, рано или поздно становится тесным для ноги и в конечном счете убивает и сапожника, и заказчика сапог. Все, что унифицировано, слеплено по единой мерке, генетически, политически и философски упрощено, в конечном счете гибнет, уступая место богатству и разнообразию форм. Это рассуждение равно применимо и к природным, и к политическим формам жизни. Гибнет земля и гибнут люди, позволившие обречь себя на монокультуру (вспомним пример Ферганской долины, из оазиса превратившейся в хлопковую пустыню), вспомним, к чему приводит «монокультура мнений» в партии.

Когда в мае 1924 года, через несколько месяцев после смерти Ленина, Троцкий произносит свои ставшие хрестоматийными слова: «Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату», — он не только извращает «Манифест Коммунистической партии», но, в сущности, подписывает себе смертный приговор. Обреченный на изгнание, убитый агентом Сталина в далеком изгнании, Троцкий пожинал трагические плоды «нивелирования» демократии, в котором принимал самое активное участие. В пьесе югославского режиссера Душана Макавеева об убийстве Троцкого бывший главнокомом умирает с ледорубом в голове и со словами: «Партия в последнем счете всегда права». Вероятно, в истории есть какой-то рок возмездия в отношении людей, пытавшихся разговаривать с народом с помощью сапога. Кончина Троцкого теперь общеизвестна. Настигла пуля матроса Анатолия Железнякова, полагавшего, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей. Известно, как завершилась жизнь М. Тухачевского, жестоко подавившего крестьянское восстание на Тамбовщине летом 1921 года, и главкома С. Каменева, руководившего операциями по подавлению восстания матросов в Кронштадте.

Кронштадтское восстание, одним из лозунгов которого было «Вся власть Советам, а не партиям», стало последним в цепи трагических событий 1917—1921 годов, убедивших власть, что военным строем в коммунизм не войдешь. Характерно, что первым эту истину осознал человек в штатском — В. И. Ленин. Нэп был признанием исторической непродуктивности казарменного труда в экономике и «военного коммунизма» в политике. Впервые за четыре года страна вздохнула свободной и сытней. Политика гражданского мира не замедлила принести плоды.

Герой романа Андрея Платонова «Чевенгур», возвратившись в родной город, обнаруживает признаки гражданского мира в самых обыденных проявлениях.

«Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки... На вывеске было кратко и кустарно написано: «Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья»... Разговорчивый и непривычно любезный приказчик в лавке объяснил совершенно в духе народного мифологического сознания смысл перемен: «Дождались: Ленин взял, Ленин и дал».

Историки спорят о том, был ли ленинский реверс в нэпе логически осознанным или вынужденным. Цитируются ленинские слова: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Думаю, что в большой политике не следует упрощать процесс принятия решений и отделять факторы логические от эмпирических. Трагическая «эмпирика» первых лет Советской власти, безусловно, стимулировала переоценку ценностей, однако Ленин никогда не становится пленником обстоятельств. К лету 1921 года, то есть к началу нэпа, все обстоятельства, принуждавшие к отступлению, были подавлены. Страна была во власти большевиков. Дальнейшее сопротивление было немислимо. Выбор нэпа был выбором логическим, вытекающим из осмысления всей гаммы факторов. Ленин и Бухарин осознают то, что партия в ходе жестокой борьбы за власть оказалась в изоляции, что большевики правят, как меньшинство, опирающееся на вооруженную силу, что они не имеют даже полной поддержки класса, за представителей которого они себя выдают.

Стимулируя в экономике свободную торговлю, кооперацию, концессию, крестьянское фермерство, нэп в сфере общественных отношений возвращал страну к плюрализму мнений, реализовывающемуся через сотни и тысячи малых и больших добровольных объединений, что, по мысли Н. Бухарина, привело бы в конечном счете к восстановлению разорванных революцией «общественных тканей».

Возрождение гражданского общества во время нэпа стимулируется и решительным сокращением числа сапог в государстве. Несмотря на ожесточенное сопротивление Троцкого и военных, обретших в условиях «военного коммунизма» непомерную власть и аппетиты, Ленин настаивает не на символическом, а на десятикратном сокращении армии (с 5,5 миллиона до 562 тысяч). В период нэпа армия, по существу, становится профессиональной. В ней был оставлен лишь командирский корпус. Проведенная в 1924—1925 годах под руководством М. В. Фрунзе военная реформа ставила целью «дать республике сильную, крепкую и в то же время дешевую армию». Уставшая от диктатуры сапога страна решительно переодевалась в гражданские одежды.

Суп из сапога

Во втором варианте конституции, написанном в конце 1824 года, декабрист Никита Муравьев начертал слова, которые вполне могли бы украсить и новую Советскую Конституцию: «Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным». До сих пор мы, к сожалению, имели противоположный вариант. Все малые и большие беды, которые обрушивались на нашу страну, есть результат рабского труда и рабской психологии. И вот на 72-м году Советской власти мы только открываем для себя мысль Некрасова — «горек хлеб, возделанный рабами».

Размышляя о путях преодоления психологии рабства после отмены крепостного права в России, П. Кропоткин говорил о том, что нанести удар самому корню зла может лишь сильное общественное движение. В России, добавляет он, это движение приняло форму борьбы за индивидуальность.

Мужество Андрея Дмитриевича Сахарова, подвижническое служение русской культуре Дмитрия Сергеевича Лихачева, ожесточенное сопротивление неправде Александра Солженицына, борьба умирающего Ленина за демократический реверс партии и, наконец, рождение на бездушных камнях брежневской пустыни идеологов перестройки... При всей различности этих людей в них есть нечто общее. Все они — яркие индивидуальности, все они — люди гражданского склада.

В течение многих десятилетий на Мавзолей, где покоится тело «гражданина Ленина», сгибаясь под тяжестью орденов, медалей и звезд, взбирались правители новой России. Даже когда они надевали для камуфляжа широкополую шляпу и очки, как Лаврентий Берия или позднее Н. Булганин, все они, или по крайней мере большинство, вышли из шинели. Не из гоголевской, к сожалению, не из гражданской, а из николаевской. Даже народный балагур Никита Хрущев, любивший расшитые украинские сорочки, был генералом. Не в силах преодолеть тяги к униформе, Л. И. Брежнев уже к концу жизни натягивает на себя маршальский мышинный мундир. Сапоги были в политике, экономике, идеологии, культуре...

Грохот сапог явственно слышен у нас даже на Съездах народных депутатов.

А между тем случайности здесь никакой нет: Съезд — довольно точный слепок нашего общества, в котором униформа и сапоги занимают весьма нарочитое место. Мы как-то все привыкли к тому, как много на улицах наших городов людей в военной форме. На это постоянно, кстати, обращают удивленное внимание приезжающие к нам иностранцы. А ведь мы вот уже скоро полвека живем в условиях мира. Недавно, выйдя в лес в самом ближайшем Подмосковье, в известной дачной местности, я с удивлением обнаружил, что и лес, и опушка леса изрыты окопами, точно бы к нашей столице вновь подступила война. Не в меньшей степени меня удивляет и обилие на улицах Москвы, на станциях и в вестибюлях метро, на вокзалах военных патрулей из полковников и майоров. Налицо явное перепроизводство в России высших чинов.

В сказке Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» есть восхитительный эпизод. Попавшие на необитаемый остров генералы настолько оголодали, что один из них откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Другой же стал предаваться гастрономическим мечтаниям:

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел!

За семьдесят лет мы, кажется, действительно ухитрились съесть все, кроме собственных сапог, да и на те в последние годы стали поглядывать с пристрастием: не пришлось бы варить суп из сапога.

Опыт советской истории уже научил нас: когда демократию шьют по сапожной колодке, она рано или поздно усыхает, и все общество начинает хромать. История в облике перестройки при всех ее взлетах, ошибках и падениях дает нам реальный шанс одеть советское общество в новые гражданские одежды. Пораженные размахом критики, уровнем гласности, снявшей с наших уст последние печати, мы, может быть, даже еще и не успели разглядеть более важного философского смысла перестройки, которая открыла переход СССР из мифотворческого периода истории в период истории реальной. Новое общество будет расти не на «догматах веры», вынуждавших нас есть сказочный суп из топора, а на том единственном надежном строительном материале истории, на котором построено на земле все, представляющее хоть какую-нибудь ценность, — на свободном труде свободных людей.

Вернув народу права на собственность, легализовав кооперацию, рынок, концессии, уравнив в правах различные виды собственности, перестройка заложила экономические основы для развития свободного труда.

Не следует предаваться иллюзиям и полагать, что у нас в один день воцарилась демократия. Довольно утопий! Возраст зрелой демократии исчисляется сотнями лет. Гласность, свобода слова, парламентаризм — лишь атрибуты и инструменты демократии. И те, кто ждал от перестройки чуда — немедленного введения посредством «декрета» демократии от западных границ до побережья Тихого океана, — будут, вероятно, разочарованы.

Но нарождающемуся гражданскому обществу она дала то, без чего не может развиваться никакая демократия, — вкус свободы. Вкусив от этого вчера еще «запретного плода», советские люди, подобно библейским Адаму и Еве, вероятнее всего, уже не смогут и не захотят жить в стерильном мифическом раю, а отдадут предпочтение «греховному миру» демократии.

СЛЕД ОТ ШЛЯПЫ Ю. О.

Несколько лет назад в Париже в одном из крыльев Лувра, там, где размещается Музей декоративного искусства, открылась необычная выставка. Называлась она «Photos truquées» — «Фальсифицированные фотографии». Теперь нас этим не удивить: мы знаем, что перекроить по заказу диктатора можно не только отдельную жизнь, но и целые массивы истории. Но тогда выставка произвела на меня шоковое впечатление. Рядом с фотографиями, препарированными советской цензурой, можно было увидеть реальные фото, с которых смотрели лики Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Каменева... Ведь всего несколько лет назад имена этих людей еще звучали, как выстрел в затылок. Особенно запомнилось мне фото, относящееся еще к дореволюционной истории: на снимке была запечатлена группа русских эмигрантов, социал-демократов, идущих гурьбой с какого-то собрания. И было очевидно, что в толпе рядом с Лениным шли еще какие-то люди. Теперь же их не было. И получалось, что Ленин шел одновременно и в толпе, и один. Снимок, как и другие фотографии на этой выставке, был обманным. Увеличенные фрагменты фотографии выявляли забавные нюансы: в одном месте ретушер оставил незамазанным мысочек ботинка от изъяттого человека, в другом — какое-то пятно, которое при рассмотрении сквозь лупу оказалось тенью от шляпы — от шляпы пропавшего с фотографии человека. И я подумал тогда: не след ли это от шляпы Юлия Осиповича Мартова? Ведь из всех имен русской революционной истории имя Мартова оказалось едва ли не под самым толстым слоем цензурного асфальта.

Из-под глыб

Несмотря на яростное внутрипартийное соперничество, Ленин испытывал к этому человеку глубокую привязанность и любовь, которые он сохранил до последних дней своей жизни. Да и сама их жизнь переплелась в такой причудливый и трагический клубок, что распутать его даже и теперь, когда из запасников истории к нам возвращаются спрявленные звенья, не так-то просто. Нетерпимость первых лет революции требовала раскалывать, рвать, резать. Но рвать чаще всего приходилось по живому.

Ю. О. Мартов выехал из России в конце сентября 1920 года. Он был уже тяжело болен. Путь его лежал вначале на Ревель поездом, потом до Штеттина пароходом. Он не бежал, не переходил нелегально границу, не беспокоился при проверке документов: и заграничный паспорт, и мандаты у него были «чистые». Но, хотя целью поездки значилось — участие в съезде Независимой социал-демократической партии Германии, всем — и отъезжающему, и провожающим — было ясно, что назад ему пути не будет. Политика «военного коммунизма» с милитари-

зацией труда, продрозверсткой, противниками которой выступали сторонники Мартова, до последнего предела обострила отношения меньшевиков с большевиками. Говоря об «очередных задачах Советской власти», Владимир Ильич провозглашает, что «от трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».

Такого рода ориентиры не могли не сказаться на отношении рабочих к большевикам. В Ижевске в 1918 году при выборах в Советы большевики получили лишь 22 из 170 мандатов. Крестьянские восстания, начавшиеся после введения продрозверстки (в 20 губерниях Центральной России за год ВЧК насчитала 245 крупных мятежей) к 20-му году фактически выливаются в крестьянскую войну. В принятой в мае 1920 года Тамбовским губернским съездом трудового крестьянства программе снова фигурирует созыв Учредительного собрания, разогнанного большевиками в 1918 году. Крестьянские отряды Поволжья требуют отмены колхозов, свободы торговли, роспуска учреждений РКП(б), как «вредных для трудового народа». В воззвании Тобольского штаба восставших говорилось: «Коммунисты говорят, что Советская власть не может быть без коммунистов. Почему? Разве мы не можем выбрать в Советы беспартийных? Да здравствует народная Советская власть!» Против хлебобобов используются регулярные части Красной Армии во главе с лучшими военачальниками — Тухачевским, Фрунзе, Буденным, Якиром, Тюленевым, Уборевичем. Война против крестьян пагубно сказывается на продовольственном снабжении городов. На фоне хозяйственной разрухи и террора ширится разочарование рабочих и в результатах революции, и в большевистских Советах, и в профсоюзах.

Численность последних (там, где еще не введено обязательное вступление) резко падает. Петроградский союз металлистов, имевший в декабре 1917 года 183000 членов, к началу 1918 года насчитывал не более 70000. Почти вдвое сократился и союз металлистов в Москве. Профсоюзы начинают покидать даже ломовые извозчики: в Москве число членов этого профсоюза съехало с 1000 до 200 человек.

В этой обстановке меньшевики делают попытку активизировать свою работу. Возникает идея создать параллельно Советам, где большевики в основном уже монополизировали власть (там, где это не удалось, Советы разгонялись, например, в Ярославле, Тамбове, Бологом), Собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Меньшевики действуют легально. Собрания уполномоченных проходят в Петрограде, в Москве, Туле, Харькове, Самаре, Екатеринославе, причем среди делегатов весьма высок процент беспартийных рабочих. Летом 1918 года движение уполномоченных обретает широкий размах. На волне этого успеха рождается идея Всероссийского съезда Собраний уполномоченных.

Меньшевики не имеют целью вытеснить большевиков из коридоров власти. Понимая ограниченность возможностей, они ставят более скромную задачу: «созвать свободно выбранную конференцию всех рабочих и всех партий, которые имеют приверженцев в рабочем классе... заставить большевиков прислушаться к голосу самого рабочего класса».

Первая Всероссийская конференция уполномоченных от фабрик и заводов назначается на 20 июня 1918 года. Отклик, который это движение получает в пролетарской массе, настораживает большевиков: они усматривают опасную для себя тенденцию меньшевизации России. В Москве и Петрограде в качестве превентивной меры против забастовок проводятся массовые аресты меньшевиков. В июне 1918 года меньшевистский ЦК подводит итоги разгрома партии:

«Почти везде закрыты наши газеты. Центральные наши органы в Петрограде и Москве («Новый луч» и «Время») закрыты... В провинции газеты сохранились в 5—6 более глухих углах. Закрытие газет вызвало тоже политические забастовки (Тула, Екатеринодар, Луганск). Попытки судить газеты вызвали бурные манифестации в Новониколаевске в Западной Сибири, в Харькове, Одессе... В Харькове процесс «Социал-демократа» не состоялся, потому что угрожающий вид собравшихся тысяч рабочих заставил судей разбежаться. После этих опытов решили больше не судить нас, а закрывать газеты административным порядком. Процессы, начатые против Мартова, Дана, Мартынова и других, так и остаются неразобранными... Мы ждем доведения террора до последних границ. В заседании ЦИК уже говорилось о необходимости взять Мартова, Дана и других «заложниками»...

«Институт» заложничества был естественным порождением политики «военного коммунизма». Брали в заложники крестьян, чтобы выгresti из деревни спрятанный хлеб, буржуазию и городскую интеллигенцию, чтобы стимулировать работы по расчистке железных дорог и заготовке дров. Но то были «классово чуждые элементы». Во время Кронштадтского восстания заложничество распространили на семьи тех, кто в 1917 году был передовым отрядом восставших: в Петрограде брали жен и детей кронштадтских матросов и офицеров. С конца 1920 года постановлением Совета Народных Комиссаров было разрешено брать в заложники недавних товарищей по борьбе с царизмом — русских социал-демократов. В. Короленко, с нескрываемым разочарованием наблюдавший плоды революции, за которую боролись поколения русских интеллигентов, писал Максиму Горькому: «История когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправлялась теми же методами, как и царский режим».

К концу 1920 года громы и молнии уже летят в адрес «его величества рабочего класса».

«Да разве это рабочие бастуют? Настоящих рабочих в Петербурге нет: они ушли на фронт, на продовольственную работу — и т. д. А это все — сволочь, шкурники, лавочники, затесавшиеся во время войны на фабрики...» Такое «марксистское» объяснение перерождения рабочего класса давал один из членов Петроградского исполкома. Рабочие, переставшие быть сознательными, никак не хотят воспринимать бухаринского рассуждения о том, что «принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

На «концентрированное насилие» большевиков, на бухаринскую формулу «в революции побеждает тот, кто другому череп проломит», рабочие и часть сохранивших независимость профсоюзов отвечают стачками. Совсем не случайно, что именно в этот период возникает знаменитая дискуссия о профсоюзах. Троцкий откровенно призывает превратить их в приводные ремни государства. Меншевики отстаивают независимость профдвижения. Влияние меньшевиков и эсеров на заводах и фабриках начинает быстро расти. Когда в Москве на митинге в честь рабочей делегации из Англии выступил находившийся уже в подполье (за ним безуспешно охотилась ЧК) лидер эсеров Виктор Чернов, зал устроил ему бурную овацию.

Меншевики тем не менее уже не рассчитывают на долю власти: политическая монополия большевиков к этому времени безраздельна. Но там, где предоставляется возможность сказать правду об отклонении революции от ее идеалов, они делают это, идут на риск, расплачиваясь арестами и тюрьмой. В декабре 1920 года на Восьмом съезде Советов меньшевики и эсеры имели последнюю возможность выступить свободно, и они требуют немедленной отмены продразверстки. В это же время с протестом против продолжения разрушительного эксперимента над Россией в резких тонах выступил М. Горький.

Потребовались реки крестьянской крови, яростный Кронштадтский мятеж, чтобы эксперимент приостановился. Увы, только на время.

В условиях острого кризиса власти и доверия большевики опасаются, что меньшевики, придерживавшиеся «лояльной оппозиции», возглавят движение протеста. Лишенные прессы, загнанные в подполье, преследуемые ВЧК, они продолжают сохранять влияние в рабочей среде. Перед октябрьским переворотом партия меньшевиков имела около 200 000 членов — лишь немногим меньше, чем большевики. Такая партия, имевшая к тому же и опыт подпольной работы, не могла исчезнуть бесследно. Личный престиж Мартова среди интеллигенции и части рабочих был весьма высок. Упрятать же большого туберкулезом, ослабевшего здоровьем Мартова в Бутырку, как это делалось в отношении рядо-

вых меньшевиков,— значило бы убить его, сделать из него мученика и символ сопротивления. Тогда-то и родилась идея выпроводить Ю. О. Мартова за границу.

Последний поезд на Варшаву

В кругах старых большевиков долго бытовала своего рода легенда об отъезде Мартова.

Память об этой легенде «О добром Ленине и о его заблудшем друге» тлела в тайниках памяти до оттепели начала 60-х годов. И как только обстоятельства позволили, выплыла наружу в виде рассказа Э. Казакевича «Враги».

Я побывал у вдовы писателя, бережно хранящей воспоминания о судьбе этого рассказа. Вот что она мне поведала.

Рассказ «Враги» был последним произведением Эммануила Генриховича. Несмотря на хрущевскую оттепель, опубликовать его оказалось непросто. Переговоры с «Новым миром» не дали результатов. А. Твардовский от публикации уклонился.

Э. Казакевич был безмерно расстроен отказом. Подозревал, что обусловлено это недоверием к документальной основе повествования. В письме Твардовскому он писал:

«То, что написано в моем рассказе,— точно, вплоть до дома, где скрывался Мартов... Софью Марковну (героиню рассказа) на самом деле звали Софьей Самойловной Штерн-Михайловой. Она дожила до 50-х годов, была членом СП и умерла несколько лет назад. Имеются документы, подтверждающие точность рассказа Софьи Самойловны. Они, вероятно, в архиве КГБ и м.б. в архиве ЦК... Рассказ точен до мельчайших подробностей. Старые большевики в общих чертах знают о нем. Он стал легендой, к сожалению, не всенародной, т.к. за этот рассказ при Сталине не погладили бы по головке».

В рассказе описывалось, как Ленин, зная о предстоящих арестах меньшевиков, разыскивает старую меньшевичку «Софью Марковну», работающую в «Наркомсобезе», поручает ей разыскать Мартова и от своего имени передать предложение об отъезде за границу.

«... в пятницу в 11 часов вечера от первой платформы Александровского вокзала отходит последний,— заметьте, последний — пассажирский поезд на Минск и Варшаву... Если Юлий хочет, он может сесть в этот поезд в шестой вагон, место № 15... Там в вагоне будут знать».

Озабоченный спасением старого друга, Ленин торопит: со дня на день ожидается начало войны с Польшей, сообщения будут прекращены и главное — «терпеть антисоветского подполья в условиях войны и разрухи мы не можем. Мы на это не пойдем».

И Софья Марковна, потрясенная гуманностью вождя, своей причастностью к божественному акту милосердия, спешит по грязной, оди-

чавшей от голода и холода Москве вначале на Варварку в ВСНХ, где работает много меньшевиков, потом, разузнав у старого партийного товарища адрес, на Мясницкую, где на чердаке общарпанного дома в каморке с гудящим примусом скрывается Ю. О. Мартов. Железная койка, желтое больничное одеяло, душная сырость неухоженного жилища.

— Ну? — спросил наконец Мартов. — От него?

— Да, — сказала Софья Марковна.

— Пожалел... Нет, не пожалел, — возразил он себе. — Хочет остаться чистеньким. Не желает руки пачкать в моей крови...

Политический фольклор, как и народная молва, живет по своим законам. Реальность была иной, хотя в своем рассказе, опубликованном в возглавляемых Аджубеем «Известиях» в 1962 г., Казакевич уловил важное обстоятельство: без согласия Ленина Мартову едва ли бы удалось уехать за границу. Но Мартов не пожелал принимать «гостинец» от Ленина. Не в силу озлобленности или вражды (он был на редкость мягким и незлобивым человеком), а совсем по иной, политической причине.

Хотя при выборах в Учредительное собрание меньшевики потерпели крах (меньшевики получили 2,3% голосов, большевики — 24%, эсеры — 40%), они продолжали пользоваться большим влиянием в пролетарской среде и профсоюзах. Несмотря на давление властей и закрытие многих газет, на выборах в Советы весной 1918 года они провели 45 депутатов в Москве, 225 — в Харькове, 120 — в Екатеринославе, 78 — в Кременчуге, более 30 — в Киеве, Самаре, Брянске, Иркутске. В Костроме меньшевики получили большинство. Крупнейшая в Ярославле «Корзинская мануфактура», традиционно посылавшая в Совет большевиков, отдала социал-демократическому списку больше половины голосов.

Ярлык «врагов народа» в отношении меньшевиков был внедрен в популярное сознание позже. В первые годы после революции меньшевики воспринимались пролетарской массой как часть рабочего, социал-демократического движения. Было известно, что часть меньшевиков, в том числе Ю. О. Мартов, была за переговоры с большевиками и за участие в «однородном социалистическом правительстве». Отношения стали обостряться позже, когда большевики начали методически применять к бывшим собратьям по РСДРП методы политического насилия: закрывать газеты, разгонять собрания, захватывать типографии, арестовывать меньшевиков.

Но неприятие лидерами большевиков меньшевизма имело давние корни. Лидер эсеров Виктор Чернов, рассказывая о своих встречах с Лениным, вспоминает такой эпизод:

— Помню, раз до войны, дело было году, кажется, в 11-м — в Швейцарии. Толковали мы с ним в ресторанчике за кружкой пива, я ему и говорю: Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следу-

ющий день меньшевиков вешать станете! А он поглядел на меня и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера» — прищурился и засмеялся.

Сухая гильотина

Вытеснение меньшевиков из советской политики продолжалось до начала 20-х годов, когда ряды российской социал-демократии были настолько ослаблены, что уже не представляли для власти никакой угрозы. Причем большевики использовали в отношении меньшевиков тактику «кнута и пряника». Закрывая меньшевистские газеты, разгоняя меньшевистские Советы, проводя аресты, большевики охотно предоставляли меньшевикам посты в промышленности и экономике. Много меньшевиков работало в аппарате ВСНХ, в министерствах, в издательствах, в академической сфере. Единственно, чего требовалось взамен, — это «не заниматься политикой». Большевики не чинили препятствий (разумеется, при достаточно солидных поручительствах) вступлению бывших меньшевиков и эсеров и в РКП(б). Всероссийская перепись членов РКП(б), проведенная в 1922 году, свидетельствует о том, что к партии большевиков к этому времени примкнуло более 22 тысяч членов поставленных вне закона других социал-демократических партий.

Использовалась и «мягкая» тактика взятия подписок: меньшевикам и эсерам предлагалось подписать письменное отречение от своих партий и партийной идеологии. Согласившихся временно оставляли в покое, и некоторые «дотянули» до грандиозных чисток 30-х годов. Несогласные обрекали себя на тихую высылку в губернии. Главная цель такого рода «сухой гильотины» была очистить от меньшевиков крупнейшие промышленные центры и крупные губернские города. Не желавших склонить голову дорога вела и к Бутыркам, и к бывшим царским централам. И нередко были случаи, когда меньшевики и эсеры попадали в те же самые камеры, в которых отбывали сроки по приговорам царского суда. Причем сроки определялись, как и все в то время, «приблизительно», с прикидом на мировую революцию. Видный чекист М. И. Лацис в популярном очерке о деятельности ЧК, вышедшем в государственном издательстве в 1920 году, писал о меньшевиках: «Мы их сажаем в укромное местечко, в Бутырки и заставляем отсиживаться, пока не кончится борьба труда с капиталом».

Такова была обстановка, побудившая Ю. О. Мартова к отъезду из Советской России. Влиять на большевиков в сторону «смягчения» он уже не имел возможности. Но обладая большим авторитетом в кругах европейской социал-демократии, он мог и, вероятно, рассчитывал предупредить европейский пролетариат о трагическом опыте «военного коммунизма». Большевики, естественно, опасались этого. В ЦК РКП(б)

возникли разногласия: выдавать или не выдавать Мартову заграничный паспорт. В воспоминаниях известного меньшевика Р. Абрамовича этот эпизод описывается так:

«Как передавали нам некоторые из среды старых большевиков, обсуждение проблемы паспортов для меньшевиков вызвало в ЦК РКП разногласие. Многие члены ЦК настаивали, что Мартов со своими большими интернациональными связями может наделать Коминтерну много хлопот за границей. Но другие, в особенности Ленин, настаивали на том, что выгоднее Мартова выпустить за границу, чтобы отделаться от него в самой Москве. Некоторые видные большевики потом передавали, что в сущности большинство ЦК было против выдачи паспортов. Но позиция Ленина была истолкована так, что, жалея своего старого друга Мартова, которого он не переставал любить, он хочет дать ему возможность уйти от неизбежной тюрьмы и ссылки».

Ставшие ныне доступными материалы, в частности сборник воспоминаний видных меньшевистских деятелей, вышедший в США в 1988 году, дают возможность уточнить обстоятельства отъезда.

Мартов обратился с просьбой о выезде не к Ленину, ибо считал унижительным для себя, как для лидера рабочей партии, просить о милости, а написал открытое письмо ЦК РКП(б) и II конгрессу Коминтерна, который проходил в Москве с 19 июля по 17 августа 1920 г. В этой связи в Москве находилось большое число западноевропейских социалистов. Письмо таким образом получило широкую огласку. Прогнорировать обращение Ю. О. Мартова, широко известного в социал-демократической среде Европы, было невозможно. Паспорта были выданы, и в конце сентября 1920 года Ю. О. Мартов выехал из Москвы. А 12 октября он уже присутствовал на открытии съезда Независимой социал-демократической партии Германии в маленьком немецком городке Галле.

Большевики придавали большое значение этому съезду. Главой советской делегации был назначен Г. Зиновьев. Его вступительная речь длилась более четырех часов. Мартов должен был выступать третьим. Однако говорить он не смог. Болезнь, сильно запущенная в Москве, во время переезда по морю заметно обострилась. Горло хрипело. После нескольких слов приветствия он передал свой доклад А. Штейну, который его и зачитал.

Характерно то, что в докладе на съезде в Галле Мартов критиковал большевиков не столько с идейных позиций, ибо сам он до конца дней оставался теоретиком пролетарской революции, сколько с позиций нравственных и этических. Он ставил большевикам в вину подавление свободы партии и свободы независимой мысли. Теперь мы можем сказать, что в своей критике он был прав. Развитие подмеченных Мартовым отклонений от политической морали впоследствии привело к са-

мым серьезным искажениям социалистической идеи в СССР, к длительному, затянувшемуся вплоть до начала перестройки кризису в отношениях между коммунистами и социал-демократами.

Но ни политических средств, ни физических сил для противодействия этой тенденции у Ю. О. Мартова уже не оставалось. Болезнь быстро прогрессировала. Последние его усилия были направлены на то, чтобы создать за границей печатный орган русской социал-демократии (с 1 февраля 1921 г. в Берлине начал выходить журнал «Социалистический вестник») и на то, чтобы защитить от насилия оставшихся в России товарищей.

Сумерки свободы

К сожалению, надежды на облегчение участи оставшихся в России социал-демократов, затеплившиеся с началом нэпа, не оправдались. Короткая весна демократии, проявившаяся во взрыве экономической и культурной жизни, не затронула политику.

12-я Всероссийская конференция РКП(б), собравшаяся в Москве в начале августа 1922 года, расставила последние точки над «i».

Надежды меньшевиков на то, что нэп откроет возможность сотрудничества с большевиками в условиях плюрализма, оказались, как и в 1918 году, иллюзией.

«Начало новой экономической политики, — говорилось в резолюции конференции, — вызвало было у меньшевиков и эсеров надежду на капитуляцию РКП и установление «демократической» коалиционной власти. Но по мере того как все эти надежды оказывались иллюзорными, меньшевики и эсеры все больше впадали и впадают в авантюризм».

Социал-демократические партии, боровшиеся вместе с большевиками против самодержавия, теперь открыто и громогласно объявлялись антисоветскими и ставились вне закона. Резолюция конференции, в сущности, ориентировала партию на террор и к социал-демократам, и к беспартийной интеллигенции.

«Вместе с тем нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»

В этой же резолюции политически неблагонадежными объявлялись и кооператоры, ибо проходивший летом 1921 года Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации обнаружил явную склонность к меньшевистским лозунгам. Съезд был объявлен «орудием кулацкой контрреволюции». Не оправдались и ожидания, что преобразование ЧК в ГПУ и принятие Уголовного кодекса РСФСР положат конец внесудебным

арестам и ссылкам. Репрессии продолжались. Число сосланных социалистов превышало 1,5 тысячи.

4 января 1922 года меньшевики, сидевшие в Бутырской тюрьме в Москве, объявили голодовку. На четвертый день к голодовке присоединились и все остальные политические заключенные тюрьмы. Сведения о голодовке просочились за границу. Социалистическая печать Франции, Германии, Швейцарии, Австрии забила тревогу. По Европе прокатилась волна рабочих собраний. Проходивший в Лейпциге съезд Независимой социал-демократической партии Германии единогласно принял резолюцию:

«...Осуждая и отвергая господство террора, как несовместимое с принципами социализма, съезд отмечает еще, что террористическая тактика большевистского правительства по отношению к инакомыслящим социалистам и пролетариям затрудняет в других странах борьбу пролетариата против классовой юстиции усиливающегося капитализма».

Протесты, вовлекшие широкие массы пролетариата, возымели действие. Меньшевики были освобождены. Часть из них выехала за границу, другие получили возможность поселиться в губернских городах по своему выбору. 11 февраля 1922 года Ю. О. Мартов встречал своих товарищей по партии на перроне берлинского вокзала.

В поспешной высылке видных меньшевиков (Ф. Дана, Б. Николаевского, Е. Грюнвальда, С. Шварца и др.) была и еще одна причина. В Москве в это же время готовился обширный политический процесс против социалистов-революционеров. Иметь на руках сразу два процесса было бы слишком убыточно для престижа за границей. Одним пришлось пожертвовать. «Милость» пала на меньшевиков. Вероятно, здесь в какой-то мере роль сыграла ленинская формула: «первого меньшевика мы повесим после последнего эсера».

Но Мартов и созданный им «Социалистический вестник» (просуществовал до 1965 г.) сыграли важную роль и в участии эсеров. Именно Мартову принадлежала идея обратиться за помощью к Горькому и Анатолью Франсу. Во многом благодаря их заступничеству смертная казнь, к которой были приговорены 12 членов ЦК партии эсеров, не была приведена в исполнение. Приговор поставили в зависимость от отказа партии от методов вооруженной борьбы.

Последние месяцы жизни Ю. О. Мартова были отягощены не только болезнью, но и тягостными раздумьями о судьбах социалистической идеи в России. Политически меньшевики потерпели крах. Тактика и лозунги большевиков в революции оказались более действенными. Но вызывали мрачные предчувствия последствия политической монополии в России.

Идеологически Мартов всегда был очень близок к Ленину. На это обращал внимание еще Г. В. Плеханов, говоривший о Мартове и Да-

не, — «это бессознательные полуленинцы, это печально, но это так». В разгроме демократии, который объективно стал результатом Октября, он таким образом не мог не чувствовать собственных мировоззренческих изъянов. На глазах умирающего Мартова сбывалось мрачное пророчество Троцкого, что диктатура пролетариата приведет в конечном счете к «диктатуре над пролетариатом». И даже самый драгоценный лозунг Коммунистического манифеста — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — в результате отталкивания европейской социал-демократии все больше терял свою созидательную силу. Мировая солидарность трудящихся рушилась под догматическими глыбами Коминтерна.

При Сталине она окончательно превратилась в пропагандистский лозунг, в идеологическую ловушку для европейских коммунистов. Плоды этой политики Европа пожинает и поныне.

Игра в маски

Убийственная ирония Ленина в отношении «либералов», «революционеров в белых перчатках» общеизвестна. Когда в 1921 году в Москве был разогнан Всероссийский комитет помощи голодающим — общественная организация, созданная непартийной общественностью России, — Владимир Ильич инструктировал: «Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев». Многие статьи Ленина кишат гневливыми ярлыками и эпитетами. В небольшой брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин на нескольких страницах текста «потчует» видного марксиста, личного секретаря Ф. Энгельса и одного из лидеров европейской социал-демократии такими характеристиками, как негодяй, щенок, мещанская сволочь, ренегат, лакей буржуазии, пошлый болтун.

Однако в отношении к Мартову Ленин проявлял известную сдержанность: сказывалась и давняя личная дружба и понимание того, что хороши ли, плохи ли меньшевики, но они изначально входили в «святое семейство» революционеров.

Безудержная травля меньшевиков началась уже после смерти Ленина. Формирование посмертного культа Ленина шло на фоне художественной лепки образа врага из меньшевиков. И на этом поприще хорошо потрудились и советская литература, и живопись, и кинематограф. Характерно то, что глумление над меньшевиками шло параллельно с шельмованием русского интеллигента. Неудивительно, что в восприятии обывателя облики интеллигента и меньшевика как бы слились воедино. Атрибуты этой карикатуры нам хорошо памятли до сих пор: козлиная бородка, пенсне, шляпа, картавый фальцет, худая шея — полная противоположность мускулистому, пышущему энергией и оптимизмом большевику.

Низкорослому, рябому, щупленькому Сталину, вероятно, доставляло невыразимое удовольствие видеть на экране фальшивую немощь своих идейных врагов.

При помощи «Краткого курса ВКП(б)» шло «вымывание» меньшевиков из истории, перечеркивалась их роль в пропаганде марксизма в России, в борьбе с царизмом, в подготовке Февральской революции, и особенно их лояльность в отношении большевиков после Октября. В «Истории КПСС», выпущенной в 1974 году четвертым изданием, на более чем 700 страницах не нашлось ни одного доброго слова в адрес тех, вместе с которыми в 1895 году Ленин создавал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Один из редких следов меньшевиков мне удалось обнаружить в Музее В. И. Ленина. В зале № 3 для обозрения приходящим в музей пионерам выставлена забавная карикатурка П. Н. Лепешинского, сделанная по мотивам известного русского лубка «Как мыши кота хоронили». В. И. Ленин, изображенный в виде вальяжного, упитанного кота, гоняет по комнатам расшалившихся мышей — меньшевиков, выдергивая самым докучливым хвосты. Бедняга Плеханов (жалкий такой мышонок!) так перепугался, что вспрыгнул на окно за занавесочку. Бедный Георгий Валентинович! Вот бы посмотрел, восстав из гроба, на проказы своего ученика.

Между тем...

А между тем, когда без предвзятости начинаешь разыскивать следы меньшевиков в истории российской революции, наталкиваешься на открытия удивительные. Настолько удивительные, что восприятие, воспитанное на карикатурах «Краткого курса», в первом своем порыве хочет закричать: «Не верю! Не может быть!»

Такова, признаюсь, была первая моя реакция, когда я узнал, что восстание на легендарном «Потемкине» было организовано меньшевиками, что не менее легендарный лейтенант Петр Шмидт с восставшего крейсера «Очаков» был социалистом умеренного толка, а не большевиком, что руководитель штурма Зимнего дворца и один из организаторов Красной Армии, Антонов-Овсеенко, в РКП(б) вступил лишь в 1917 году, а до этого был меньшевиком, что наконец сами понятия «меньшевик» и «большевик», столь ревностно охраняемые историей КПСС, в пролетарской среде России были чисто условными. Во время революции 1905 года в социал-демократических организациях России меньшевики, например, были в большинстве.

В своей монографии о большевизме Б. Суварин* пишет, что и сама идея создания Советов, как органа народного самоуправления, принадлежала меньшевикам: ее впервые изложил в «Искре» в июне и июле 1905 года меньшевик Ф. Дан. Во время октябрьской стачки 1905 г. в Петербурге эта идея была реализована. Председателем первого Совета в Петербурге стал меньшевик Зборовский. Во главе исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г. стояли меньшевики Троцкий и Хрусталеv-Носарь. Что касается большевиков, то они восприняли идею Советов крайне настороженно, углядев в них конкуренцию партии. И только возвращение Ленина из эмиграции в ноябре 1905 года положило конец этому «недоразумению».

Не без удивления узнал я и о том, что сохранению раскола РСДРП на две фракции энергично способствовала и царская охранка. В циркулярном письме департамента полиции своим агентам, которые нередко занимали весьма высокое положение в партийной иерархии (вспомним дело Малиновского), предписывалось:

— «... чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было объединения большевиков с меньшевиками». «По трагической иронии истории, — пишет Борис Суварин, — Ленин придерживался аналогичного мнения».

И наконец при чтении воспоминаний поражает то единодушие, с которым все знавшие Ю. О. Мартова — в том числе и Ленин, Троцкий, Горький, Крупская — отзывались о его человеческих качествах, подчеркивая в особенности его мягкость, доброту, интеллигентность, чувствительность, неприятие насилия. Н. К. Крупская писала о том, что даже в период самых яростных фракционных споров Ленин сохранял высочайшее уважение к этому человеку. «Мартов был человеком чрезвычайной чувствительности, и благодаря тонкости своего восприятия понимал и развивал идеи Ленина с большим талантом», — писала она. В апреле 1922 года, уже после отъезда Мартова из РСФСР, Л. Троцкий писал в своих «Политических силуэтах»:

«Мартов несомненно является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, пронцательный ум. Прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его пронцательности не доставало воли. Это погубило его. Лишенная волевой пружины мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически обосновать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с та-

---

* Борис Суварин. «Сталин. Исторический обзор большевизма», Париж, 1977 г.

ким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправданий уклонений от него и прямых измен ему...»

Интересная, хотя и не исчерпывающая характеристика Ю. Мартова. Прожитые страной 70 с лишним лет дают возможность взглянуть на многие «крупнейшие минусы» этого человека с иной точки зрения. Я думаю, далеко не случайно, что в последний год жизни, осмысливая противоречивые итоги Октября, и в особенности ту цену, которую пришлось заплатить за опыт построения коммунизма, В. И. Ленин с обостренным вниманием следил за судьбой изгнанного друга. Ведь многие предостережения Мартова оказались справедливыми — в частности, предвидение тех колоссальных бедствий, которые будут принесены народу, если буржуазно-демократическая революция, открывавшая для полufeодальной России возможность быстрого экономического и политического развития в семье европейских государств, будет искусственно обращена в революцию социалистическую. 28 октября 1917 года, через два дня после большевистского переворота, ЦК РСДРП обратился с воззванием к рабочим Петрограда:

«Революции нанесен тяжелый удар, и этот удар нанесен не в спину генералом Корниловым, а в грудь — Лениным и Троцким... Не дождавшись даже открытия съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, эта партия путем военного заговора втайне от других социалистических партий и революционных организаций, опираясь на силу штыков и пулеметов, произвела государственный переворот... Страна разорена трехлетней войной. Войска Вильгельма вторглись в ее пределы и грозят уже Петрограду... И над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет еще незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержавия, над этой страной в такой критический момент большевики вздумали проделывать свой безумный опыт захвата власти, якобы для социалистической революции...»

Вспоминал ли Ленин об этой столь непривычно звучащей для нас оценке Октября в тот день, когда узнал о смерти своего друга — врага?

Время собирать камни

Ю. О. Мартов умер 4 апреля 1923 года. На его кремации и похоронах присутствовал Максим Горький. Но Ленин узнал об этой смерти не сразу, хотя статья-некролог памяти Мартова была помещена в «Правде» на следующий день за подписью К. Радека. В это время Ленину по болезни было запрещено читать газеты. Исследователи полагают, что о кончине Юлия Осиповича Ленин узнал в конце октября, когда запрет на чтение был снят. 6 ноября Н. К. Крупская писала:

«...Читаем с В. ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали,— убийство Воровского, смерть Мартова и пр.»

...До смерти самого Ленина оставалось меньше года.

Неординарна и трагична судьба этих людей. Они вместе начинали революционный путь и почти одновременно подошли к смертному порогу. И тот и другой пораженные тяжелой болезнью, и тот и другой с тяжелыми думами о судьбах революции.

В революционном движении они были подобны двум долям единого плода. Разделенные тонкой материей схоластических споров, они не смогли дать сильного и стойкого ростка советской демократии. Горьки плоды этого разлада и последовавших за ним сумерек свободы. Лишенная плюрализма российская демократия оказалась не защищенной от разбухенных революцией демонов тьмы. И обе половины, и большая, и меньшая, вскоре были втоптаны в кровь сапогом безжалостной диктатуры.

В Музее В. И. Ленина в Москве под стеклянным колпаком хранится черная фетровая шляпа Ленина, которую он носил в эмиграции. В такой же шляпе ходил за границей и Ю. О. Мартов. Дело, разумеется, не в сходстве шляп, а в том, что и тот и другой ходили по одним и тем же партийным адресам, служили одному делу.

У нас в течение многих лет искусственно и агрессивно разводили меньшевиков и большевиков по разным углам русского дома, забывая о том, что в истории революционного движения они принадлежат к одному семейству. Не случайно, что вопрос об объединении двух фракций возникал снова и снова, особенно в моменты, когда нужны были решительные действия в защиту революции.

На баррикадах Москвы меньшевики и большевики вместе отстреливались от царских жандармов и казаков. В октябре 1905 года, незадолго перед возвращением в Россию, Ленин писал Плеханову: «А тактические разногласия наши революции сама сметает с поразительной быстротой...» В 1914 году в Государственной думе большевики и меньшевики вместе голосуют против военных кредитов. В 1917 году группы видных большевиков и меньшевиков выступают за создание однородного социалистического правительства.

Да и после Октябрьской революции изгнанные из России меньшевики, несмотря на все обиды, продолжали защищать идеалы революции в России, одновременно критикуя ее перерождение. После смерти Ленина «заграничная делегация РСДРП» (как называли себя меньшевики) была одним из самых последовательных критиков сталинизма и извращения социалистической идеи. «Суть сталинизма, как утверждали меньшевики, заключается в отказе от тех традиций, которые были заложены в социал-демократии»,— об этом писал недавно в своей книге «Триумф

и трагедия» Дм. Волкогонов. Известный лидер меньшевизма Ф. И. Дан в книге, написанной незадолго до смерти (умер в 1947 г.), высказал полную актуального значения мысль: большевизм не начинается и не кончается на Сталине — социализм достоин свободы, и он принесет ее людям.

И нет ничего ни удивительного, ни парадоксального в том, что как только ожившая советская демократия начала сдирать с себя синюшные татуировки сталинизма, в стране с поразительной быстротой возродился интерес к исходным идеям социал-демократии.

В идеях этих заложен огромный потенциал. Они «обкатаны» в целом ряде стран Северной Европы, Скандинавии, в Финляндии, во Франции и Австрии. Тот уровень социальной, правовой и экономической защищенности, который обеспечивают социал-демократы в странах, где они стоят у власти или разделяют политическую ответственность с другими партиями, со всей очевидностью свидетельствует о том, что их концепции и рецепты оказались не столь уж плохи, как это казалось максималистам начала XX века.

Вопрос о том, кто в длительной перспективе оказался или окажется правым в споре о путях русской революции, представляет, разумеется, большой исторический интерес. Но с точки зрения задач строительства демократии в СССР и «общеевропейского дома» важнее вспоминать не о разногласиях и ошибках «мягких» и «жестких» искровцев, меньшевиков и большевиков, а искать общие с европейской социал-демократией пути в XXI век.

Раскол российской социал-демократии нанес неисчислимый вред интересам трудящихся. Фактически весь XX век прошел под знаком этой беды. Основание в Москве филиала «Фонда Эберта», визиты председателя Социнтерна Вилли Брандта и, наконец, создание, а точнее сказать, восстановление в ряде республик СССР социал-демократических партий — лишь начало важного и устремленного в XXI столетие политического процесса.

Историческая память России вызывает из насильственного забвения многие события, идеи, лица. И я думаю, что в «мемориале» русской демократии достойное место должен занять и непременно займет революционер с незапятнанной совестью и руками, социал-демократ самой чистой пробы — Юлий Осипович Мартов.

ВОЛЯ К ВЛАСТИ И ВОЛЯ К КУЛЬТУРЕ

В отношениях цезаря и художника, царя и поэта, а в сущности, власти и культуры всегда была некая недосказанность, тайна. Связано это, вероятно, с тем, что культура сама по себе является властью. Правители всегда интуитивно ощущали эту взаимосвязь между властью и культурой, а культура в зависимости от природы власти либо освещала ее, либо убивала.

В дневнике известного деятеля русской культуры, «просвещенного цензора» Никитенко имеется запись, связанная с болезнью Ф. И. Тютчева. Никитенко вспоминает, как императрица, узнав об ударе, случившемся с поэтом, послала к нему придворного доктора Боткина и приказала ежедневно доставлять ей бюллетень о здоровье умирающего поэта.

Мы можем, разумеется, вспомнить, что и Сталин тоже был неравнодушен к деятелям культуры и лично приезжал навестить умирающего Горького...

Но за сходными жестами могут стоять разная мораль и различная политическая логика. Осыпая почестями угодных для него писателей и артистов, Сталин относился к культуре с большим подозрением. Деспоты всегда лучше чувствуют себя за стеной невежества. Ибо культура — это всегда ограничение власти. Известная фраза Геббельса: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется взяться за пистолет», — вполне могла бы выпасть и из уст Иосифа Виссарионовича Сталина. Теперь мы знаем, что и до Сталина рука власти не раз тянулась к испытанному «хлысту диктатуры», к террору, когда ей приходилось решать начавшийся в октябре 1917 года и затянувшийся до сих пор спор с интеллигенцией.

На развалинах храма

Пробуждение интереса к культуре и интеллигенции в период, когда страна снова оказалась на сложном распутье истории, обусловлено рядом факторов. Реабилитация культуры вписывается в сложный процесс восстановления утраченных обществом моральных основ. К сожалению, всплески антиинтеллектуализма свидетельствуют о том, что «гражданская война» между невежеством и культурой, между моралью и аморализмом еще далеко не завершена. Рецидивы погромных настроений против интеллигенции тем более огорчительны, что инвективы в адрес интеллектуальных сил общества вкладываются в уста «простых рабочих»: горькое свидетельство того, что в российском обществе все еще тлеет поджигательная идея о «двух культурах», идея, с помощью которой пришедшие к власти в 1917 году идеологи разводили народ по разным углам: в одном углу — народ, а в другом — интеллигенция. Старый принцип — разделяй и властвуй!

Ошельмованная в глазах народа, интеллигенция оказалась беззащитной перед гильотиной большевистских робеспьеров. Что касается народа, то, лишенный критического зрения, он в течение семидесяти лет, как брейгелевские слепцы, блуждал по лабиринтам социализма, бросаясь из одной крайности в другую, пока не оказался в убогом тупике истории.

С точки зрения национальных интересов большевики после 1917 года совершили две серьезнейшие ошибки (если не искать более точного слова): в крестьянской стране они отняли землю у крестьян и тем самым разрушили материальную культуру нации, и они разъяли интеллигенцию и культуру, умертвив тем самым жизнь духовную. Ведь говорить об интеллигенции в отрыве от культуры — это все равно, что говорить о крестьянстве, умалчивая о самом главном в крестьянском труде — о земле. Недаром само латинское понятие «культура» означает прежде всего возделывание: возделывание духовного мира.

Следы духовной и культурной разрухи у всех у нас на глазах. Мы только не всегда их замечаем. Ведь для того чтобы видеть уродство, надо иметь хотя бы самое простое представление о красоте. У нас оно утеряно. Даже наши «дворцы», в том числе самые престижные (Дворец съездов, например), — это апофеоз безвкусицы и поругания здравого смысла.

У нас, наконец, одна из самых бедных в мире школа. А ведь некогда русский гимназист был, в сущности, маленьким интеллигентом в подростковой шинели, «культурным резервом» страны.

Мы ошельмовали не только взрослое, но и подрастающее поколение интеллигенции, сделав из гимназистов, бойскаутов посмешище для детворы рабочих слободок. Мы давали «путевку в жизнь» павликам морозовым, нашим героем становился прибалтанный Мустафа, в лучшем случае — Павка Корчагин. Лишив детей русской интеллигенции и русской национальной буржуазии права поступать в университеты, большевики сделали лишенцем русскую культуру.

Со временем падение уровня культуры охватило у нас все слои. За редким исключением ни наши министры, ни наши партийные лидеры не владеют правильным русским слогом. Наши актеры потеряли представление о дикции, дикторы радио и телевидения допускают серьезные погрешности стиля. Не секрет, что пьесы Чехова сейчас на Западе ставят лучше, чем у нас: тоньше, проникновеннее. Причина все та же: общее падение уровня культуры. В театре невозможно сохранить то, что исчезает из обихода.

Вульгарность и бездуховность наших будней вторгаются и в наши праздники. Один из известных наших режиссеров сетовал недавно на то, что в кинематографе стало трудно найти артиста на роль интеллигентного человека. Актеры с восторгом и даже со смаком играют забулдыг, бомжей, блатных, «сферу обслуживания», парней с «Выборгской стороны», чекистов, «шариковых», а сыграть скромного чеховского ин-

теллигента почти что уже и некому. Вот Е. Евстигнеев, к счастью, недавно подарил нам великолепного профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова. И дело, конечно, не в том, что не талантливы актеры, а в том, что в обществе утрачены понятия о том, что такое интеллигентность и интеллигент, как он должен себя вести, говорить, спорить, как держать себя за столом... Даже голоса у нас претерпели странную и неприятную метаморфозу. Когда слушаешь по радио трансляцию с наших съездов, создается полное впечатление, что стал свидетелем перепбранки между подпоручиком Дубом и бравым солдатом Швейком.

«Мы Россию отвоевали...»

Нередко можно услышать вопрос: почему при Сталине при всех извращениях тоталитаризма уровень культуры и нравственности казался выше? Иногда говорят, что страх-де вынуждал людей быть сдержаннее, скромнее, дисциплинированнее. Объяснение это не представляется исчерпывающим. Да и сами понятия «страх» и «культура» несовместимы. В те годы, куда нас отсылают поклонники сталинизма, уровень нравственности и интеллигентности в определенных слоях общества был действительно выше. Но совсем по иной причине.

Со времени революции тогда прошло еще не так уж много лет. Несмотря на то, что большевики почти начисто выкосили элитарную интеллигенцию, средний пласт российского интеллекта пострадал сравнительно мало. Из университетов были вычищены «мятежные профессора», отказавшиеся принять принцип двоемыслия. Но те, которые были принуждены к сотрудничеству, до поры до времени были оставлены в покое. Часть высланных из Москвы и Петербурга профессоров нашла временное пристанище в провинциальных учебных заведениях, куда рука инквизиции дотянулась не сразу, там на каком-то этапе они даже способствовали подъему уровня образования.

Разгромив партии кадетов, затем меньшевиков, к которым тяготели интеллигенция и квалифицированная часть рабочего класса, вынудив к эмиграции значительную часть высшего слоя интеллигенции (когда бродишь по русскому кладбищу в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, то возникает жуткое впечатление, что идешь по костям русской культуры), большевики фактически срыли высший и самый плодородный слой русской культуры. Немецкие оккупанты, захватив во время войны Украину, отправляли в Германию составы с украинским черноземом. Большевики (вспомним массовую высылку интеллигенции в 1922 году, о которой уже писала советская пресса) добровольно отправляли на Запад пароходами и поездами чернозем русской культуры, рассчитывая из оставшейся податливой глины лепить гибкое и покорное существо — «нового, советского человека».

Цвет русской поэзии, литературы, философии, исторической науки,

музыки выбрасывается за пределы России. На заброшенной ниве русской культуры разрастается полын.

Меньше затронутый чистками оказалась средняя школа. Там тоже шла мощная накачка идеологии, но преподавание еще вели в большинстве старые учителя — носители традиций русской культуры. Даже в конце 40-х годов школа не только учила, но и воспитывала. Кто из нас, бегавших в школу после войны, не помнит старых «учителей» с их старомодными прическами, с их строгостью, с их болью за учеников? Мы рухнули не потому, что упали цены на нефть, которой власть затыкала черные дыры нашей экономики, но прежде всего потому, что в стране исчерпался тот интеллектуальный, культурный и нравственный потенциал, который был накоплен многовековым трудом России. Экономисты подсчитали, что продовольственных и фуражных запасов царской России, несмотря на мировую и гражданскую войны, хватило еще на три года после революции. Почти полвека трудились фабрики и заводы, поставленные во время экономического бума после 1905 года. До сих пор трудятся железные дороги, основные магистрали которых были проложены до 1917-го. Сейчас много говорят о кризисе Ленинграда. Это результат того, что поколения хозяев Смольного лишь эксплуатировали огромный потенциал культуры великого города, ничего не давая взамен. Город более полувека прожил на том ресурсе, который был заложен в него строителями. Нынешний кризис Ленинграда — это крах цивилизации пришельцев, которые завоевали его в 1917 году. Помните знаменитое ленинское: «Мы Россию отвоевали... мы должны теперь Россией управлять». Управлять не научились. Жили, проедая и пуская на идеологический ветер казавшееся неисчерпаемым русское богатство.

Дольше всего исчерпывалась культура, но и ее запасы имеют пределы. Ее деградация затронула в большей или меньшей степени все: политику, науку, культуру, армию, милицию, образование. Вирус антиинтеллектуализма поразил как власть, так и подвластных. А в силу специфики кадрового отбора для высших эшелонов власти (требовалась не культура, а демонстрация слепого поклонения догмам и вождям) наиболее пораженной оказалась именно власть, в особенности власть партийная.

С какого времени идет это падение?

Мне не хотелось бы подчеркивать самые ранние вспышки антиинтеллектуализма в 1917 году, зафиксированные Максимом Горьким в его «Несвоевременных мыслях». С известными натяжками эти варварства можно списать на революционную нетерпимость первых дней и месяцев революции. Раны, нанесенные русской культуре в 1917 году разливом анархии, были болезненны, но все же носили характер поверхностных «порезов». Эти действия еще не были ПОЛИТИКОЙ. Большевики прекратили с помощью ВЧК «революционный» бандитизм, как только он стал угрожать их собственной власти. Настоящая угроза для будущего России возникла не в дни революционного разлива, а позднее — когда большевики, одержав победу в гражданской войне и укрепив власть, занялись политикой.

В катакомбах культуры

Недавно мне пришлось познакомиться с одним из самых отвратительных документов эпохи. Инструкцией Гимmlера «о культурной политике» на завоеванных германским вермахтом восточных территориях. Нет, рейхсфюрер СС, чье ведомство призвано было осуществлять инструкцию, не отрицал необходимости грамотности. Но эта грамотность, по замыслу идеологов третьего рейха, должна была носить утилитарный характер. Славянских детей следовало обучать простому счету и чтению, необходимых для того, чтобы понимать и усваивать трудовые и политические инструкции.

Как ни тягостно проводить такого рода параллели (в политике они уже не являются откровением, вспомним хотя бы пакт Молотова—Риббентропа), но и в сфере культуры и образования большевики объективно способствовали снижению и утилитаризации культуры.

В свое время у нас было сказано много восторженных слов по поводу действительно уникальной по своим масштабам кампании по ликвидации неграмотности. Всем памятли кадры кинохроники, фотоснимки, запечатлевшие бородатых крестьян и обветшалых старух, склоняющихся над букварем. Но положи руку на сердце давайте спросим себя, стали ли получивший первичную грамотность крестьянин или рабочий завсегдаем библиотек? Сделался ли он вдумчивым читателем серьезной книги? Приобрел ли он навыки независимого и критического мышления, которые, собственно, и делают человека интеллигентом? Боюсь, что ответ будет отрицательным. Полученная грамотность была достаточна для того, чтобы прочитать на транспаранте слова «Ленин», «партия», «счастье», но недостаточна для того, чтобы понять, действительно ли большевики ведут Россию по счастливому пути.

Немецкий историк Р. Фюлоп-Миллер, специально изучавший этот вопрос, в книге «Разум и лик большевизма» уже в 1927 году отмечает специфическую черту советской политики в области культуры.

«Большевики организовали народное образование так, чтобы никто не мог выйти за пределы официально разрешенного уровня знаний и образования, дабы не возникла для пролетарского государства опасность приобретения гражданами излишнего объема знаний, что превратило бы их в «подрывной» элемент». На этот же феномен обратил внимание известный американский писатель Теодор Драйзер. Побывав в Советском Союзе, он сетовал Бухарину: «Вы берете ребенка и вдальбливаете ему определенные понятия. Кроме того, чему вы его обучаете, он ничего не знает — и не будет знать, вы постараетесь об этом. Успех вашей революции, таким образом, зависит от воспитания детей, не так ли?

— Отчасти так, — согласился Бухарин».

Нет сомнения, большевики делали усилия для расширения системы школьного образования. За два года после революции они открыли почти 10000 школ. За этим количественным бумом стояло почти патологическое недоверие большевиков к дореволюционной интеллигенции, которую они упорно именуют «буржуазной». Отсюда и навязчивая ленинская идея — научить управлять государством «кухаркиных детей». Но... не просто управлять. А в соответствии с большевистской доктриной. Начинается массированная политизация школы и высшего образования. В школы широко внедряются классовые понятия: буржуй, кулак, пролетарий, капиталист... В высшей школе вводится гильотина классового отбора, отсекающая от абитуриентов наиболее подготовленную часть — детей интеллигенции. Главным становятся не знания, не развитие, не культура, а социальное происхождение. Создается система рабфаков, а затем и вечернего образования, в изобилии поставляющая на рынок интеллектуального труда людей с «вечерними», усеченными знаниями.

Классовая накачка не замедлила дать свои плоды. Несколько лет спустя, воспитанные в новой, советской школе, дети уже вполне были подготовлены к жизни в условиях сталинского террора. Во время Шахтинского процесса газеты широко публиковали письма молодежи, требующей расправы над контрреволюционными спецами. В частности, было напечатано письмо одного пятиклассника: двенадцатилетний юный герой просил расстрелять своего отца. К счастью, в отличие от Павлика Морозова, имя его не запечатлено ни в памятниках, ни в названиях улиц и пионерских дружин.

Полынное молоко пропаганды начинают вливать в детей чуть ли не с ясельных лет. В детском саду идеологическая накачка даже сегодня превосходит все мыслимые масштабы. Недавно в прессе были обнародованы поразительные данные. Оказалось, что из 40 стихотворений и песенок, заучиваемых в детских садах, 35 носят откровенно пропагандистский характер. Часть этих «шедевров» вопиюще антинаучна, ибо закладывает в ребенка стойкие элементы мифического, иллюзорного сознания. Вдумайтесь в смысл двустишия из детского садиковской песенки:

Сколько у солнышка ясных лучей,
Столько у Ленина нас, детей...

Был и такой шедевр:

Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия!
Сегодня в гости к нам пришел
Лаврентий Павлыч Берия.

Для воспроизводства своей власти в условиях однопартийности большевикам нужна была своя, «особая» интеллигенция — с особыми нервами, с особой моралью, особой системой знаний. «Нам необходимо», — пишет Бухарин, — чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике».

Нетрудно догадаться, что новые поколения интеллигентов, отштампованных по матрицам идеологических органов, были как нельзя лучше приспособлены для производства и потребления культурного ширпотреба, получившего название «социалистический реализм».

Что касается русской классики, питавшей своей нравственностью и идеями весь цивилизованный мир, то в условиях идеологической диктатуры ее все активной вытесняют классики марксизма-ленинизма. В стране не хватает учебников, в школах один учебник выдается на несколько учеников, исчезают издательства, специализировавшиеся до революции на книгах для народа. Зато фантастическими тиражами издаются светочи официальной идеологии. В тридцатые годы с гордостью говорилось о том, что Маркс и Энгельс изданы в СССР тиражом в 7 миллионов экземпляров, Ленин — 14 миллионов, Сталин — более 60 миллионов. Чем больше печаталось в стране «классиков» от идеологии, включая таких знаменитейших, как Брежнев, Суслов, Черненко, тем меньше становилось пищи реальной.

Серьезно оказалась подорванной и финансовая база образования, в особенности начального. Роспуск земских учреждений не только нарушил уже сложившуюся и эффективно действующую систему взаимодействия интеллигенции (учителей, врачей, агрономов, статистиков) и народа, но и иссушил такой важный источник средств, как местный бюджет и благотворительные фонды. Фонды эти давали ощутимый привес к ассигнованиям из государственной казны.

Справедливости ради заметим, что дореволюционное правительство, которое мы так любили обвинять за то, что оно держало народ в темноте, не так уж плохо понимало важность культуры и образования для экономического подъема России. «Ликвидацию безграмотности» начали не большевики, как было приказано думать, а правительство Столыпина, принявшее в 1908 году закон о введении обязательного начального образования. В период до начала первой мировой войны ассигнования на нужды просвещения ежегодно увеличивались примерно на 21 процент. После революции сельская школа, школьные учреждения малых городов России, подпитывавшиеся из местных бюджетов, были посажены на сухой государственный паек и вскоре стали жертвой пресловутого «остаточного принципа». У большевиков всегда доставало денег для партии, армии, ВЧК/КГБ, для финансирования «интернациональных обязательств» за границей, в том числе и для финансирования зарубежных компартий, но хронически не хватало денег для школы и культуры. Воля к власти всегда была сильнее воли к культуре.

В советской печати уже мелькали сведения о том, что большевики пытались использовать русское золото, заработанное на успехах нэпа, для разжигания мировой революции. Карл Радек ездил с «золотыми дарами» в Германию, где к осени 1923 года, по прогнозам большевиков, вновь «созрели условия». Бывший советский дипломат Г. З. Беседовский в изданной в 1930 году в Париже книге вспоминал по еще не остывшим следам:

«В Москве все были как на углях. Революционное движение в Германии развивалось все быстрее и быстрее... В Коминтерне работа шла полным ходом. Намечались будущие члены правительства советской Германии. Из числа русских советских деятелей отбиралась крепкая группа, которая должна была бы служить ядром будущего германского Совета народных комиссаров...»

Требовалось золото. И не важно было, что оно увозилось из страны, пережившей двумя годами ранее страшный голод, из страны, где не хватало книг, приютов для беспризорников, оставленных гражданской войной, старческих приютов, ликвидированных вместе с монастырями, где культура пребывала, по выражению Н. А. Бердяева, в «катакомбном периоде».

Собачий вальс

Непонимание большевиками культуры как фактора развития, их подозрительность к интеллигенции далеко не случайны и обусловлены не только неприятием интеллигенцией Октября.

Отсутствие у большевистских лидеров воли к культуре связано с философскими корнями большевизма, с отрицанием личности. Аллергия большевиков к интеллигенции стала проявляться задолго до захвата ими власти. Одна из первых вспышек гнева относится к 1909 году, когда Ленин и ленинцы с неслыханной для русского образованного общества яростью набросились на сборник статей о русской интеллигенции — «Вехи». «Вехи» были как бы манифестом русской интеллигенции. И штурм этого сборника стал для большевиков идейной репетицией Октября.

Что же так раздражало Ленина в идеях веховцев, среди которых числилась элита русской культуры и философии: Н. Бердяев, П. Струве, М. Гершензон, С. Булгаков, Л. Шестов, С. Франк и др.? Главная ересь виделась в том, что веховцы отрицали классовую борьбу как главный двигатель прогресса. Этого одного уже было достаточно для гильотины. Но в 1909 году о революционной гильотине можно было только мечтать. Пока же приходилось довольствоваться перьями. Борьба с идеологией веховства была одной из самых затяжных кампаний большевиков против русской интеллигенции. Начавшись при участии Ленина в 1909 году, она затянулась, в сущности, до наших дней.

Негодование критиков вызывало отношение веховцев к личности, к человеку, в котором они видели главный смысл прогресса. В отличие

от русских мыслителей Ленина интересовал не человек, а идея, не личность, а «совокупность общественных отношений». Для Ленина «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма». Веховцы такой тезис считали аморальным, ибо из него прямо вытекало, что человеком (на самом же деле оказалось, что миллионами людей) можно пожертвовать во имя коммунистического идеала. Заклейменная как антинаучная и реакционная, философия веховцев на многие десятилетия была заперта под ключ, а ее представители, объявленные, как нетрудно догадаться, лакеями буржуазии, были изгнаны за границу.

Чисто философский, казалось бы, спор между ленинцами и веховцами оказался крайне разрушительным для культуры. Отрицая личность, гремя элитарную (буржуазную и декадентскую, по их терминологии) культуру, большевики гасили интеллектуальные звезды на небе собственной страны. При этом было извращено само понятие культурной элитарности, «аристократичности» культуры, как говорил Н. А. Бердяев. Элитарность, высшая степень духовности и изощренности культуры, однозначно трактовалась как декадентство и извращение. Аристократичность культуры противопоставлялась народности.

Если отказаться от убогости сугубо классовых оценок, элитарность ни в коей мере не отрицает народности. Она включает в себя народную культуру, обогащая ее высшим гением и зрелым талантом. «Гений выражает судьбу народа», — многократно подчеркивал Н. А. Бердяев.

Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Герцен, Тютчев, Блок элитарны в лучшем смысле этого слова. Они поднимали культуру на максимально высокий уровень, делая свои творения эталонами мировой культуры. Но кто из нас осмелится сказать, что эти писатели и поэты не были народны, что их культура (безусловно, элитарная) не включала в себя всей народной культуры? Я не думаю, что Пушкин и Тургенев, выросшие в дворянской и элитарной среде, знали народную культуру хуже лубочного Демьяна Бедного. Но их элитарность, такт, высокая культура и сознание высочайшей ответственности перед отечеством никогда не позволили бы им заигрывать с народом или опускаться до уровня «матросского яблочка».

В одной из своих интереснейших книг, «Судьба России», Н. А. Бердяев предупреждал: «Нельзя допустить понижения качества творчества во имя количества. Делом творцов культуры должно быть не унижительное приспособление к массовому социальному движению, а облагораживание этого движения, внесение в него аристократического начала качества. Народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности».

Само жесткое деление культуры на массовую и элитарную условно. И здесь в оценках нас бросает из крайности в крайность. Было время, крушили элитарную, теперь — громим массовую, не давая себе труда понять их взаимосвязь. В странах с подчеркнуто развитой элитарной куль-

турой и уровень массовой культуры значительно выше, чем там, где интеллектуальная элита была загнана в подполье. Мы справедливо восторгаемся французской песней, французским кинематографом, французскими модами. Но ведь Ив Монтан, Эдит Пиаф, Джо Дассен, Жак Брель, Клод Франсуа, Далида — явления массовой культуры. А между тем мы их таковыми не воспринимаем. Не воспринимаем потому, что, войдя в народ, став частью широкой культуры, они постоянно находились в поле высочайшего интеллектуального напряжения французской элитарной культуры, где царствовали Жан-Поль Сартр, Андре Мальро, Эжен Ионеско, Симона де Бовуар, Альбер Камю...

Владимир Набоков элитарен. И если бы он был доступен советскому писателю и читателю, нетрудно догадаться, что средний уровень нашей литературы был бы неизмеримо выше.

Наши нападки на массовую культуру проистекают от рассерженности незнания. Вместо того чтобы ругать массовую культуру Запада, было бы прибыльнее понять, почему она нередко приобретает у нас такие убогие, вульгарные формы.

На Западе добротная массовая культура является важным элементом общественного бытия, фактором стабилизации, служит умиротворению стрессов, вызываемых трудностями жизни. В лучших своих проявлениях она дает населению те образцы поведения, которых нам так не хватает. Не нужно думать, что все европейцы так уж витают в высотах культуры. Но они обладают тем «культминимумом», той срединной культурой, которая благотворно влияет на их поведение в обществе и в быту. Человек, приобщившийся к этим стандартам, не станет хамить в автобусе, лезть без очереди в кассу, бросать из окна мусор, гадить в подъездах и лифтах, он будет, как минимум, опрятно одет и не станет, будучи подшофе, приставать с пустыми разговорами к прохожим на улице и требовать «уважения». Мы гибнем не от массовой культуры, которая идет к нам с «гнилого Запада», а оттого, что у нас за годы Советской власти разрушены все уровни и стандарты культуры, включая и народную.

Подводя итоги первого десятилетия Советской России, Н. Бухарин с гордостью говорил: «Мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена».

Увы, действительность такова, что о симфониях нам лучше и не вспоминать. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

В наших «Парках культуры», на улицах, в магазинах, в автобусах, в домах отдыха вот уже многие годы тон задает откровенный и чаще всего подвыпивший хам, которому все сходило с рук, потому что он был защищен «социальным происхождением», а все мы, вместе взятые, привыкли к постоянному унижению. В результате нашей «культурной

политики» мы получили почти генетический тип городского и пригородного «люмпена», с блеском выведенного в известной песне группы «Аквариум» — «Про старика Козлодоева».

...Кумиром народным служил Козлодоев,
И всякий его уважал...
А ныне, а ныне попрытались суки
В окошках отдельных квартир.
Ползет Козлодоев, мокры его брюки.
Он стар, он желает в сортир.

Пьянчужка, похотливец, мелкий проныра и приспособленец, прекрасно вписавшийся в «социалистический образ жизни», этот герой нашего времени со временем превратился в престарелого сквалыгу, вечно недовольного и поучающего «подростающее поколение», как жить...

Бунт культуры

Если реальная жизнь довольно быстро отвечала на революционные эксперименты голодом и разрухой, а в конечном счете и народными бунтами, то последствия культурного раскулачивания и коллективизации проявились лишь десятилетия спустя. На введенную большевиками продразверстку крестьянская Россия почти незамедлительно ответила крестьянской войной, а земля — страшным недородом 1921 года. Бунт культуры носил замедленный, латентный характер.

Стиснутая цензурой, травмированная первыми политическими процессами 1921—1922 годов, культурная Россия уже не могла реагировать на аномальные явления как здоровый организм. Массовая высылка и аресты интеллигенции в 1922 году вызвали больше протеста за границей, чем в РСФСР. Массированная пропагандистская кампания привела к тому, что внутри страны «сознательные рабочие и крестьяне» были убеждены, что в лице интеллигенции бьют классовых врагов, прислужников Антанты, литературных врангелевцев.

Внешне в жизни Советской республики с высылкой интеллигенции мало что изменилось. Глядя из ворот московского или петроградского двора, можно было убедиться, что жизнь идет своим чередом, «потому что, — как говорил О. Мандельштам, — ходят трамваи».

Да, трамваи еще ходили. И рельсы, и вагоны, и звонки в вагонах, и кондукторские сумки — все это было, как прежде. И лишь немногие пассажиры (помните поездку в трамвае вернувшегося из Сибири Юрия Живаго?) догадывались, что они живут уже в другой цивилизации.

Отличительной чертой этой новой цивилизации была почти сатанинская воля к власти и к наслаждению властью. Культура рассматривалась в ней лишь как один из инструментов управления, а искусство — как один из многочисленных фронтов, куда нужно направлять верных «директории» генералов и чекистов.

Под руководством генералов от культуры из обихода советских людей были изъяты целые пласты русской и мировой культуры. Существовали не только списки опальных философов, писателей, поэтов, художников, чьи произведения были запрещены к исполнению в СССР. В течение десятков лет у нас не играли Малера, Брукнера, Равеля, Р. Штрауса, Хиндемита, Стравинского, Шенберга. Долгое время запрещен был Вагнер. Лишь в 1939 году после подписания пакта Молотова—Риббентропа с этого композитора была снята советская епитимья. Музыка, которая еще вчера расценивалась как «фашистская», зазвучала со сцены Большого театра. В спешном порядке там ставили «Валькирию» и «Мейстерзингеров».

Для пытливого исследователя вообще было бы интересно провести сравнительный анализ того, что запрещали или поощряли в СССР и в фашистской Германии: сходство вкусов у «партай-геноссе» двух стран просто поразительное. Я просто теряюсь, кому отдать пальму первенства в культурном ограблении собственного народа — Андрею Жданову или д-ру Геббельсу.

Секрет прозрения

В нашем обиходе есть фразы, к которым с ходом лет мы так привыкли, что даже не замечаем их нелепости. Вспомним почти хрестоматийную фразу: «С восторгом приветствовал Февральскую революцию, а Октябрьской не понял». Такими «не понимающими» у нас, как нарочно, оказывались крупнейшие российские умы и таланты — Павлов, Короленко, Бердяев, Рахманинов, Шаляпин, Флоренский, Сикорский, Корнилов, Милоков...

Отчего же умнейшие, образованнейшие люди своего времени — ученые, философы, историки, дипломаты, художники, прежде все так отлично и с большой пользой для отечества понимавшие, — в 1917 году так опростоволосились, что не поняли ни тезисов к великому замыслу, ни самого замысла? Отчего ворюга с Хитровки, кухарка, поп-расстрига, извозчик с Охотного ряда, кочегар с завода Михельсона, «ходоки» в истертых лаптях, заглянувшие на минутку в Кремль, солдат, не окончивший даже церковноприходской школы, торговка сбитнем с Сенного рынка — отчего все они вдруг в одночасье прозрели и поняли все, а единственный в России лауреат Нобелевской премии академик Иван Павлов все проглядел?

Нюанс в том, что у кухарки, «кухаркиных детей» и у академика И. Павлова был разный уровень культуры. В силу этого «нюанса» «хитровцы», восхищенные большевистским лозунгом «грабь награбленное», поверили, будто большевики научат их «управлять страной», а академик Иван Павлов в эту ахинею не поверил и поверить не мог. У академика Павлова в силу его высокой культуры была высока и «иммунная защита» против социальной фальши, а у «кухаркиных детей» такой защиты не

было. Но именно в этом и заключалось их огромное преимущество в глазах большевиков. Возник уникальный в истории парадокс: чем ниже был уровень культуры человека, тем больше у него оказывалось шансов подняться до верхних ступенек новой общественной лестницы.

Кстати, и в самом принципе выдвижения «кухаркиных детей» было больше пропагандистского лукавства, чем действительного желания черпать в кладезе народного ума. Выдвигались «кухаркины дети» особого склада — те, которые готовы были безропотно следовать указаниям новых вождей. Поощрялись прежде всего люди с лакейской, смердяковской психологией. Это из них формировались и сама сталинская номенклатура, а затем и «подсадные утки» номенклатуры — те «сознательные рабочие и крестьяне», которые и поныне, как недавно подтвердилось, «озвучивают» на партийных съездах сокровенные мысли аппаратчиков. Выходец из народной среды, если он вдруг обнаруживал склонность к собственной мысли, был так же неугоден для власти, как и потомственный интеллигент.

Поэт и писатель Федор Сологуб был сыном прачки и сапожника. Тем не менее он был объявлен ненужным и вредным, ибо отказался обслуживать новую идеологию. Участь его известна: вместе с другими несогласными он оказался в самых дальних подвалах советской культуры и только теперь извлекается на свет. А между тем в его романе «Мелкий бес» очень точно и как бы в перевернутом зеркале «бесов» Достоевского выведен тот тип морального пачкуна, который пышным цветом расцветет под солнцем новой морали. Умирая в 1927 году в Петрограде, уже переименованном в Ленинград, поэт шутил, что умирает от «декабрита». По сути же дела, он, как и многие русские интеллигенты, умер от «октябрита».

«Мы в книге рока...»

Есть ли выход из цивилизации культурного каннибализма?

В философском плане ответ, конечно же, звучит оптимистически, ибо для истории даже самые отвратительные царствования (вспомним Нерона, Калигулу, фашизм, сталинизм) в конечном счете обращаются в страницы летописи. Но размышления о путях возрождения русской культуры отягощены пониманием того, что именно в сфере культуры процессы созидания идут крайне медленно. При наличии политических условий можно в несколько лет воссоздать Нижегородскую ярмарку, а вслед за этим и общероссийский товарный рынок. Опыт Японии и Западной Германии дает примеры восстановления экономики из полных руин. К сожалению, план Маршалла трудно применим в сфере культуры. Возрождение культуры осложнено и тем, что болезнь культуры для самого народа не столь заметна, как пустые прилавки. Реакция желудка на кризис сильнее реакции разума. Не только в народе, но и в партии,

претендующей на авангардную роль, все еще нет воли к культурному возрождению.

У нас продолжают гибнуть библиотеки, гнить в сырых запасниках картины, разрушаться памятники старины. У нас самые убогие в Европе школы, больницы, театры. И в это же время в самом центре Москвы наши «славные чекисты» и наши «доблестные генералы» возводят мраморные и гранитные «бункера», точно бы «на вырост».

Поистине несчастная страна, в которой скрип сапог заглушает плач культуры.

И все-таки при разговоре о возрождении русской культуры нужно уметь отвлечься от нынешних споров и страстей. Мы подвигаемся на долгий и трудный путь, и нужно понимать, что для наших внуков обиды или глупости сегодняшнего дня будут по большей части деперсонифицированы. Через несколько лет мало кто из нас вспомнит генерала или партийного функционера, потрясших такой-то и такой-то по номеру съезд погромными речами. Для наших детей и внуков важны будут не политические страсти и не партийные склоки, а переходящее богатство жизни — культура. И в этом смысле (как ни парадоксально это звучит) и правые, и левые перед судом истории окажутся «на одной строке». Шекспировская фраза «Мы в книге рока на одной строке» приоткрывает нам путь к осознанию вечной и так трудно воспринимаемой нами истины: что в движении культуры нет победителей и побежденных. Вот почему в молитве о будущем русской культуры, а следовательно, о будущем страны неуместны анафемы и проклятия. Как бы ни раздражал нас «бородавчатый реализм» ждановской поры, как бы ни тягостны были воспоминания о совсем недавних «бульдозерных временах», мы должны понимать, что главное не в сведении счетов. Главное сегодня — восстановить порванную в русской культуре «связь времен».

Герой романа Ф. Достоевского Иван Карамазов говорит: «Если нет Бога, то все дозволено». Страшная формула, ставшая основой политической морали «бесов». Аморализм в политике поставил под угрозу самое существование культуры в России. К счастью, культура (иного, впрочем, и не могло быть) оказалась сильнее идеологии. Даже загнанная в подполье, она вела оттуда свое жертвенное Соппротивление.

Перестройка выводит культуру из катакомб. Но она выходит оттуда нищей, ослабленной, дезориентированной. Подобно детям, пережившим Чернобыль, она нуждается в уходе ВСЕГО ОБЩЕСТВА.

Нужна общенациональная воля к культуре.

---

* Перелистайте великолепный рассказ Ф. Достоевского «Бобок».

СОДЕРЖАНИЕ

Сапоги из шагреновой кожи	3
След от шляпы Ю. О.	18
Воля к власти и воля к культуре	34

КОСТИКОВ Вячеслав Васильевич

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

Очерки

Редактор А. Ю. Болотин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 19.02.91. Подписано к печати 29.03.91.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,18.
Тираж 90000 экз. Зак. № 250. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ЭТОМ ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ «Где мой дом?»;
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ «Незабвенный Мишуня»;
В. РЕЦЕПТЕР «До третьего звонка»;
Б. ЗАЙЦЕВ «Братья-писатели»;
М. КВЛИВИДЗЕ «Продолжение следует»;
Г. БЕЛАЯ «Затонувшая Атлантида»;
А. АНАНЬЕВ «Конец причинины»;
Б. ПЕТРОВСКИЙ «Два человека — одно сердце»;
В. СЕЛЮНИН «Все у нас получится»;
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ «История моего заключения».